

Таинственные места Земли

НЕВЕДОМАЯ АФРИКА

Таинственные места Земли

Никита Кривцов

Неведомая Африка

Кривцов Н. В.

Неведомая Африка / Н. В. Кривцов — — (Таинственные места Земли)

Африка, далекий и загадочный континент, с давних пор манила мореплавателей, купцов, ученых, авантюристов и завоевателей из многих стран Европы и Азии. До нашего времени дошло немало свидетельств о легендарных путешествиях в Африку финикийцев и карфагенян, о походах греков и римлян, о завоеваниях арабов и крестоносцев. Но как тридцать веков назад, так и сегодня африканский континент таит еще немало загадок, которые по-прежнему волнуют воображение путешественников и ученых. Авторы Н.Н. Непомнящий и Н.В. Кривцов расскажут читателям о полной опасностей Сахаре, о рыцарях таинственного пресвитера Иоанна, о каменных развалинах Зимбабве, о корриде на Пембе, затерянном городе Фарини и о многом другом.

Содержание

ОТ АВТОРОВ. ЧЕРНЫЙ КОНТИНЕНТ, ПОЛНЫЙ ОПАСНОСТЕЙ	5
НАСКАЛЬНАЯ ЖИВОПИСЬ САХАРЫ	16
Сахара до начала времен	17
Открытие	18
Трудности датировки	19
Контакты с Египтом?	24
Великие хронологические разделы	25
Эзотерика и культ плодородия	26
Период бубала	27
Период пастухов рогатого скота	28
Колесницы в «летащем галопе»	33
«Народы моря»	36
Период лошади	38
Период верблюда	40
Зооморфные и антропоморфные скульптуры	41
«БЛЕДНЫЙ ЛИС» ДОГОНОВ	42
Догоны	42
Странная «бледная лиса»	43
Два этнографа	44
«Вначале был Амма...»	48
Таинственная сиги-толо	49
А что говорят об этом догоны?	51
Сокровенная тайна Амма	52
Космические странствия	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Никита Владимирович Кривцов Николай Николаевич Непомнящий Неведомая Африка

ОТ АВТОРОВ. ЧЕРНЫЙ КОНТИНЕНТ, ПОЛНЫЙ ОПАСНОСТЕЙ

Жители Каира никогда не видели властителя подобного этому. Через семь с четвертью веков со дня Хиджры – в 1347 году от Рождества Христова этот африканский правитель как паломник вошел в их город на своем пути в Мекку. Свита его блистала варварской пышностью. Впереди шествовали пятьсот рабов, каждый из которых нес церемониальный жезл из цельного золота весом в двадцать три килограмма. Затем верхом на прекрасном боевом коне ехал их господин Манса Муса, повелитель Мали, страны черных. За ним шли курчавые негры с другой стороны пустыни, проводники и погонщики верблюдов с закрытыми лицами, смуглые берберы Магриба – «Запада» – и пестрая толпа прихлебателей. Там были слуги, рабы и попутчики, которые готовили неизвестные яства, следовали меж собой чужеземным обычаям и говорили на странной смеси наречий, не поддававшейся пониманию. Но «гвоздем программы» был личный кошель Мансы Мусы, предназначенный для покрытия путевых расходов. Владея почти сотней верблюдов, сплошь груженных золотом, он представлял собой просто ходячую казну, располагавшую почти пятнадцатью тоннами необработанных золотых слитков.

Оставаясь верным своим традициям, Каир был поражен, но не ошеломлен. Городские купцы радостно окружили караван. Они продавали разинувшим рты странникам дешевые ткани кричащих расцветок в пять раз дороже обычной цены. Мелкие египетские чиновники просили и получали огромные взятки за обещанную помощь в пустынных делах. Особенно хорошо поживились работоторговцы. Иностранцы были охочи до рабынь и щедро платили за удовольствия. Рассказывали, что единственными жителями Каира, имевшими основания жаловаться, оказались ростовщики. Караван Мансы Мусы проявил столь сказочную щедрость, что мелкие ростовщики просто покинули рынок золота и не смогли оправиться еще двенадцать лет после этого посещения.

Сам африканский властитель изумил город не меньше, чем причудливая свита. Его внешность вызвала удивление. Каир ждал черного как смоль полудикого деспота с той стороны пустыни, где, по слухам, солнечные лучи испепеляли человеческий кожный покров до цвета черного янтаря. Вместо этого они обнаружили, что у него светлая кожа, согласно различным описаниям, красноватого или желтоватого оттенка. Он не проявлял никаких признаков унижительной первобытной дикости, ассоциировавшейся у каирцев с жителями Черной страны. Скорее, этот экзотический владыка питал большее почтение к Пророку и его учению, чем сами египтяне. Он был далек от преклонения перед арабской утонченностью, и стоило немалых трудов уговорить его высказать свои комплименты султану города. Можно, впрочем, добавить, что последнего больше заботило золото Мансы Мусы, нежели нарушения дипломатического этикета, и он даже несколько переусердствовал в своем стремлении ублажить гостя. Когда необычный караван отправился на восток, к Мекке, о его дальнейшем продвижении, отличавшемся необычайной щедростью, докладывали примерно то же самое: говорили о выгоде торговли с ним, о царственном поведении Мансы Мусы, поддерживавшего ислам с почти ребяческой щедростью, а также о том, что по пути он не только потратил все пятнадцать тонн золота, но и продолжал жить с таким исключительным размахом, что был вынужден брать деньги в долг, который он безупречно погашал.

Манса Муса. Правитель на троне

Рассказы о Мансе Мусе долетели через Средиземное море до слуха европейских картографов, стремившихся обозначить границы владений этого блистательного правителя на незаполненных местах своих атласов. Они нарисовали его в неизвестных областях внутренней Африки, – этого черного короля в изысканном наборе экзотических шахматных фигур, всемогущего властелина, сидящего на золотом троне или подушке, держащего в одной руке скипетр, а в другой – самородок чистого золота. Перед ним сделали надпись: «Сей черный владыка зовется Муса Мали, Владыка Негров Гвинеи. Столь богата его страна золотом, что он богатейший и благороднейший владыка тех земель».

Один такой атлас был составлен для короля Франции Карла V, а другой королева Мария Английская заказала в качестве подарка своему мужу, Филиппу II Испанскому. Он еще не был закончен, когда Мария умерла, и карта досталась ее сестре Елизавете, настроенной против Испании. Оскорбительный испанский герб, прежде нанесенный вместе с английским, был поспешно выскоблен, но изображение Мансы Мусы сохранилось, хотя с той поры, как он отправился в свой знаменитый хадж, прошло уже двести лет. Золотой властелин Черной Страны стал бессмертным символом неизвестной Африки, и его образ все еще прочно держался в умах, когда европейские исследователи обратили свои взоры на юг, к таинственному миру за Сахарой.

Такими представлялись европейцам жители Африки в средние века

Но от далекой Африки любознательных европейцев отделяло устрашающее препятствие в виде великой пустыни. Ни одна особенность африканской географии не внесла такого большого вклада в сохранение вокруг континента ореола загадочности, как эта. Если посмотреть на континент как на гигантский череп, направивший взор в сторону Индии, то всю черепную коробку этого великана займет огромная пустыня, самая большая в мире, протянувшаяся на тысячи миль с запада на восток, от Нила к Атлантическому океану, большая по площади, чем вся материковая часть США. Во времена Мансы Мусы ее покрывали следы случайного каравана, подобно тонкой вене, пересекающей серое вещество мозга. И лишь малая капля знаний просачивалась по каждой из таких ниточек с тропического юга в умеренные северные широты...

Если физического препятствия было недостаточно, народная молва всегда была готова пополнить географический факт пугающими подробностями. Со времен Плиния Сахару представляли в виде огромной воющей пустоши, заполненной песком и пригодной только для диких зверей и нескольких странных племен, которые, согласно Геродоту, могли обогнать колесницу и говорили на языке, схожем с писком летучих мышей. Ученые мужи, арабы или же христиане, были осведомлены лучше, но в основном люди не имели даже смутного представления об истинном разнообразии пустынного пейзажа. На самом деле огромные пространства Сахары совсем не имели песчаного покрова. Существовали большие области голой скальной породы, покрытой лишь мелкими камнями необычной формы, казалось, созданными природой специально для того, чтобы калечить людей и животных. Песчаные зоны были непохожи одна на другую. Местами песок лежал ровно и однообразно, подобно океану в спокойный день, а где-то дыбился огромными гребнями, тянувшимися на сотни миль. Он мог струиться мягкими волнами или собираться в барханы – дюны – в виде полумесяца, начинавшие медленно двигаться, когда на них дул ветер, словно нащупывая путь.

Джеймс Брюс у истоков Голубого Нила

В самом центре пустыни хребты древних гор проступали сквозь детритовую шкуру, образуя голые гористые глыбы, пристанище пещерных первобытных племен, и то тут, то там грунтовые воды, неожиданно поднявшись на поверхность, формировали изумительную голубую гладь поросшего тростником оазиса.

Только жители пустыни знали истинную сущность Сахары. У них было свое, очень точное слово для каждого явления и каждого ее свойства. Они выживали за счет этих знаний. Каждый год люди пустыни появлялись на заселенных окраинах Сахары, когда летняя жара иссушала их пастбища. Очень редко в дальние оазисы, где кочевники держали рабов, используемых в «черной работе» – земледелии, наведывались городские жители. Но их неприязнь была взаимной и постоянной. И арабские, и европейские горожане относились к жителям Сахары немногим лучше, чем к свирепым хищникам. Племена пустыни кормились за счет караванов, проходивших по этой земле, злобно препирались друг с другом и уже сами по себе представляли отдельную африканскую опасность.

Христианские картографы, имевшие представления об этих чужестранцах, рисовали на своих схемах рядом с тронем Мансы Мусы зловещую фигуру туарега с закрытым лицом верхом на верблюде.

Таким образом, еще до того, как первые европейские исследователи отправились в великую пустыню, Африка уже имела дурную славу. По прошествии времени понятие об опасности обогатилось новыми подробностями. Белые люди столкнулись с неизвестными, не менее свирепыми стражами африканских тайн. Сойдя на берег, преодолев перед этим предательские рифы, они встретили крутые берега рек, текущих из внутренней части страны: обрушиваясь вниз потоками, они впечатляли путешественников, но расстраивали все их планы. Водопады и пороги Конго столь сильно обуздали пыл искателей приключений, что спустя три столетия, после того как в конце пятнадцатого века было открыто ее огромное устье, на европейские карты было нанесено не более двухсот десяти километров ее нижнего течения. Пока американец Г.М. Стенли не приказал небольшой армии носильщиков протащить по суше десятиметровую баржу «Леди Элис», разобрannую на пять частей, ни одно европейское судно не достигало среднего, широкого течения Конго. В отличие от североамериканских рек, предоставлявших смелому путешественнику в каноэ открытый путь, большинство водных дорог Африки были

не просто непроходимы, но по-настоящему опасны. Раз за разом исследователи терпели крушения посреди водоворотов и стремнин. Один из величайших путешественников, шотландец Мунго Парк, погиб в водопаде Бусса, когда предстал перед выбором – встретиться со злобными местными жителями или же со стремнинами Нигера.

В те дни, когда звери еще не были запуганы ружьями и пулями, животный мир Африки представлял для первооткрывателя, путешествовавшего по реке, не меньшую опасность. Самостоятельный викторианский меткий стрелок, сэр Сэмюель Бейкер, ничто так не любивший, как открытия и азарт охоты за крупной добычей, чуть не отправился в пасть к крокодилам благодаря разъяренным бегемотам, что всплыли прямо под его каноэ. Путешествовавшие по суше не меньше опасались встречи с агрессивными африканскими животными. Карьера Дэвида Ливингстона практически закончилась раньше времени после того, как его жестоко покалечил лев, и всю свою жизнь он панически боялся змей. В письме домой он написал о том, как в своей темной хижине он наступил на змею, почувствовал кольца, свернувшиеся вокруг его лодыжки, и выскочил, мокрый от пота и дрожащий от ужаса. Он также сообщал, что ему повезло больше, чем одному из его спутников: тот погиб, когда «носорог неожиданно набросился на него и пропорол живот».

Мунго Парк после путешествий в глубинные районы Западной Африки

В Африке не было места болезненным или хилым. Жара и испарения в зарослях приводили к тому, что расщеплялись деревянные оружейные ложи и трескались ободья колес. Путешествующий в повозке был вынужден вбивать клинья между деревянными колесами и их железными ободьями, расширявшимися и дребезжащими на страшной жаре. В густых, наполненных испарениями джунглях человек легко становился жертвой лихорадки. Имея лишь приблизительные знания о тропической медицине, он слабел от дизентерии, хирел от малярии, и в конце концов его приканчивала одна из бесчисленных африканских болезней, от которых у него не было ни лекарства, ни приобретенного иммунитета. В морских балладах, сложенных матросами, побывавшими на берегу Западной Африки, известном своим вредным для здоровья климатом, с горечью говорилось о «заливе Бенин, куда девять вошли, но один лишь вернулся». Несмотря на то что дикие африканские звери устраивали куда более зрелищные

казни, в конечном счете, именно болезни чаще всего угрожали жизни путешественника. За редкими исключениями, африканские первооткрыватели либо возвращались домой с серьезно подорванным здоровьем, либо, что еще хуже, умирали в тех местах, которые открывали... Но зачем же тогда эти африканские исследователи рисковали жизнью на опасном континенте? На этот вопрос существует больше дюжины ответов. Мотивы путешественников были столь же различны, как и их характеры. Кто-то отправлялся за славой. Прочие, подобно Бейкеру, напускали на себя показную бесцеремонность, что, однако, не скрывало их профессионализма. Некоторые попадали в Африку случайно, влюблялись в нее и оставались там навсегда. Большинство же долго лелеяли свою страстную привязанность, читая книжки в безопасной учебной комнате или библиотеке, а потом, как Рене Кайе, великий французский путешественник, достигший Томбукту, отправлялись в Африку, дабы своими глазами увидеть то, во что уже были влюблены, – в случае Кайе после чтения «Робинзона Крузо». Попадались миссионеры, подобные Ливингстону, увлеченные ученые, как немец Генрих Барт, преодолевавший пески Сахары, чтобы добыть детальные сведения в области антропологии и лингвистики. Солдаты становились исследователями, потому что им так приказывали, неудачники отправлялись в Африку, чтобы оставить позади родину, которую они не любили или не понимали. Странно не то, какими разными были все эти люди, а то, сколько времени у них ушло на исследование Африки. В середине восемнадцатого столетия ученые европейские сообщества были крайне недовольны тем фактом, что они оказались больше осведомлены о ледяных просторах Арктической Канады, чем о землях, что лежали в ста шестидесяти километрах от фортов работоторговцев на Золотом берегу. Об Амазонке, чье устье было открыто в 1500 году, достаточно подробные сведения были получены на 3 века раньше, чем белый человек достиг самого южного истока Нила, дельта которого славилась с древних времен. Для людей, гордившихся своим позитивистским подходом к географии, подобное невежество было равносильно интеллектуальному позору.

Воины султана Борну, Западная Африка

Давид Ливингстон

Вполне резонно, что, решившись разобраться с африканской проблемой, ученые первым делом обнаружили, что об этом континенте писали географы Древней Греции и Рима. Таким образом, спустя тысячу лет после того как Геродот занимался своими исследованиями, используя при этом информацию из вторых рук, майор Джеймс Реннелл, один из выдающихся африканистов своего времени, лично руководивший исследованием индийских территорий, о которых Геродот никогда и не слышал, больше полагался на сведения греческого историка, чем на то, что сообщали англичане, побывавшие в Африке.

Африканские представления о красоте казались европейцам дикостью

Считалось, что греки и римляне должны были обладать обширными знаниями об Африке. Греческие купцы долго торговали в южных областях Красного моря, а во времена империи римские провинции в Африке были значительно важнее и в целом ближе к столице, чем далекие области вроде Британии. Римские войска маршировали туда и обратно по всей Северной Африке, а поселенцы основали более сотни новых городов на территории между Геркулесовыми столбами и Карфагеном. Целое римское войско – «Третий легион» – было полностью набрано в Африке. Но, как это часто бывает, незваные гости затронули только край страны. Римляне правили лишь на прибрежной полосе. Границ их влияния можно было достичь за несколько дней путешествия к югу. В названиях римских городов была отражена пограничная атмосфера: Кастра-Нова («Новый лагерь»), Когорс-Бреукорум («Когорта бревков»). За их гарнизонами лежали неисследованные горы Атласа и дикие племена пустыни. Например, гараманты за плату снабжали поставщиков римских цирков пойманными зверями, которыми в то время была так богата Сахара. Их добычу – львов, леопардов, а временами и местных жителей – доставляли на кораблях прямо на бойни Рима и его провинциальных подражателей. Возьмем, к примеру, Траяна, который величественно распорядился об уничтожении 2246 зверей в боевых играх, длившихся всего один день. Естественно, многие жертвы, скорее всего, были доставлены из Северной Африки. Подобная резня, продолжавшаяся в течение шести столетий, превратила империю в кладбище животного мира Северной Африки. Ко времени падения Рима представители фауны, которыми когда-то так изобиловала Сахара, уже встали на путь вымирания...

Воин ачоли из района Верхнего Нила

Генри Мортон Стенли

В обмен на это кровопролитие Рим удивительно немного узнал об Африке. Некий энергичный военачальник совершил марш-бросок через пустыню и, очевидно, добрался до Судана, ибо докладывал, что вокруг было очень много носорогов. Еще один военный патруль двигался на юг вдоль Нила, пока их не остановила труднопроходимая масса плавучих растений. Подобные путешествия были редкими авантюрными экспедициями, они не имели отношения к всеобъемлющим исследованиям и не были доведены до конца. Результаты их погребены под многотомными изысканиями официальных историков.

Схожая судьба постигла результаты более рискованного предприятия, предпринятого предшественниками римлян в Северной Африке, карфагенянами. Около 500 года до н. э. (точная дата неизвестна) градоначальники Карфагена отправили флотилию из шестидесяти судов, чтобы те достигли Гибралтарского пролива и далее двигались вдоль берега. Экспедицией командовал один из двух верховных судей государства, и он исполнил наказ с большой решимостью, повернув обратно лишь тогда, когда у них закончились запасы пищи. О крайней южной точке, до которой они добрались, карфагеняне докладывали, что они проплывали мимо пылающей горы – возможно, это было извержение вулкана – и слышали звуки барабанов, доносившиеся с одетых в леса холмов вдоль берега. Также они привезли с собой шкуры трех человекоподобных существ, которых они убили во время высадки на берег и которых их переводчики называли «гориллами». Шкуры эти отнесли в храм Танит Карфагенский в качестве жертвенного приношения, а на камне храма Хроноса была высечена благодарственная надпись. Но вскоре шкуры превратились в пыль, а римляне, разграбив город, стерли святые лица с лица земли. Ученым последующих поколений оставалось лишь размышлять над неточной копией той надписи, и история гориллы превратилась в замечательный символ громадного перерыва в исследовании Африки. Несмотря на то что слово «горилла» было известно еще до Рождества Христова, точно определить, что это за животное, удалось лишь американскому миссионеру в Камеруне в 1847 году.

Арабы стали теми, кто разрушил классические представления об Африке. Поскольку они опустошили византийский остаток старой Римской империи во второй половине седьмого века н. э., их вторжение изменило ту часть Африки, что была ближе к Европе. Римские акведуки высохли, поля и города опустели. Величественные архитектурные сооружения уже не использовались, превращаясь в блоки арабского строительного материала, – это произошло с шестьюдесятью римскими колоннами, использованными для возведения новой мечети в Кайруане. Редко когда случалась столь всеобъемлющая перемена и наступал такой упадок. Устаревшие статуи и мрамор были оставлены разрушаться, подобно бюстам с отбитыми лицами и занесенным песком позвонкам опрокинутых колонных столбов, лежащих в беспорядочном величии в Лептис-Магне, в нескольких шагах от Средиземного моря, через которое римские галеры когда-то связали Европу с Африкой.

Но арабы также произвели и созидательную революцию, первыми отправившись через весь континент в путешествия на верблюдах. Способный пересечь триста двадцать миль безводной пустыни, где римская повозка, движимая волами, не преодолела бы и четверти этого расстояния, верблюд был таким же практическим усовершенствованием в Сахаре, как парус на галерах в море. Эффект был во многом сходный. Путь через пустыню стал надежнее, развивалась торговля, открывались новые маршруты, и – возможно самое главное – люди, наиболее сведущие в новом виде транспорта, взяли в свои руки контроль над пустынными тропами. Но, несмотря на то что Сахара стала менее страшным физическим препятствием, европейский путешественник мог пересечь ее только с согласия подозрительных и зачастую фанатично настроенных погонщиков верблюдов.

В других частях Африки новоприбывший европейец оказывался в унижительной зависимости от арабов. По всему восточному побережью континента, от Красного моря до Мозамбика, веками торговали и селились арабы – капитаны одномачтовых каботажных кораблей доу. Они именовали эту местность страной аз-Зиндж – от этого слова произошло название Занзибара, и когда Васко да Гама в поисках морского пути в Индию привел сюда эскадру, по предательски обманчивым прибрежным водам его вели не собственная сметливость и португальский лотовой на носу корабля, а хозяин арабского судна, хорошо знавший эту часть моря. Три века спустя, когда шумевшая экспедиция Стенли «спасла» Дэвида Ливингстона из внутренней, «черной» части континента, они обнаружили, что о шотландском миссионере заботились состоятельные арабские торговцы, использовавшие факторию Уджиджи на озере Танганьика в качестве торговой базы.

Но все же во многом европейцы выглядели самыми медлительными в истории исследования Африки. Когда на заре пятнадцатого столетия они начали свои путешествия к западу от Сахары, то вряд ли знали о континенте столько же, сколько далекие китайцы: те хотя бы видели жирафа, посланного в дар императору и изумительно изображенного китайским живописцем в императорском зоопарке. Еще один национальный рисовальщик знал об Африке достаточно, чтобы точно изобразить очертания ее восточного берега, где между пальмами он набросал также и узнаваемые по плоским крышам дома арабских торговцев. Тем не менее к началу эпохи европейских исследований в Африке еще почти никто не проходил в глубь континента, чтобы возвратиться со столь ценным подробным описанием стран и народов. После того как арабы пересекли Сахару, они остановились на поросшей лесами ее окраине. На востоке они предпочитали держаться ближе к побережью. Внешний мир лишь прикасался к границе опасного континента. Именно в центре Африки европейские исследователи сделали наибольший вклад в географию, когда продвигались пешком, гребли, ехали на носилках или же верхом, любуясь причудливым пейзажем. Они открыли чудеса природы, такие как водопад Виктория на реке Замбези, разломы Великого Восточного Африканского Грабена (рифта) и озеро Чад, с одной стороны которого была чистая вода, а с другой сверкали соляные кристаллы. Еще было обнаружено невероятное разнообразие африканских народов. Говоря на более чем восьми сот-

нях языков, что немало обескураживало путешественников, местные народы включали в себя жителей развитых государств Нигера и бушменов Калахари, находившихся в каменном веке, а их религии варьировались от простого фетишизма до древней формы иудаизма. Некоторые племена отличались и вовсе невообразимыми обычаями: масаи покрывали свои волосы навозом и пили свежую кровь своего скота; суданские воины, облаченные в доспехи подобно беженцам крестовых войн Гулливеров мир Руанды, где рослые тутси достигли двух с лишним метров роста и правили своими рабами – полутораметровыми тва.

Европе было суждено дивиться рассказам своих путешественников о загадочных местах и удивительных приключениях. Часто цитируемое высказывание Плиния: «Африка всегда преподносит что-нибудь новое», – никогда не приходилось настолько к месту, как в восемнадцатом и девятнадцатом столетиях, когда каждое новое путешествие увеличивало привлекательность этого континента. Невозможно было удовлетворить невероятно возросший общественный интерес, когда путешественник за путешественником отправлялись туда, дабы открыть что-нибудь, пока не поздно. Это была самая популярная авантюра, и даже правительства государств буквально сходили с ума, выбрасывая огромные деньги на планы по исследованию и освоению неприступных и никчемных земель. Последний факт резко контрастировал с ситуацией тремя веками раньше, когда исследование Африки только начиналось и на континент смотрели как на досадную помеху на морском пути на Восток.

В те далекие дни была видна только окраина Африки, подобно солнечной короне, возникающей во время затмения. Португальские суда бороздили ее прибрежные воды, было основано несколько опорных береговых пунктов, и любой умелый картограф мог нарисовать точные очертания Африки. Однако изобретательному составителю карт оставался пустой центр, чтобы изображать грифонов и камелеопардов, негритянских царьков и чудесного феникса, сидящего в гнезде, свитом из веточек корицы. При подобных обстоятельствах не должно удивлять то, что на первые масштабные высадки в Африке южнее Сахары европейцев вдохновили две полулегендарные фигуры: пресвитер Иоанн, сказочный священник – царь восточных христиан, и Манса Муса, властитель Гвинеи...

НАСКАЛЬНАЯ ЖИВОПИСЬ САХАРЫ

Наскальные изображения встречаются во многих местах Сахары – там, где есть скалы. Поэтому большинство из них сконцентрировано в районе горных массивов. К сожалению, это одни из наиболее отдаленных и труднодоступных регионов великой пустыни – несколько сотен километров от средиземноморского побережья и даже дальше. Самая знаменитая «картинная галерея» древности – Тассилин-Аджер – расположена на юге Алжира. Строительство автодорог и развитие авиатранспорта приблизили Тассилин-Аджер к цивилизации. Однако террористические акции в отношении иностранцев и действия радикальных исламских группировок в этой стране делают Алжир весьма небезопасным для туристов. А в отдаленные районы, плохо контролируемые полицией и армией, отправляться вообще не рекомендуется.

Поездки в районы расположения сахарских петроглифов начали устраивать турфирмы Ливии. Но пока что туристические контакты с этой находившейся в длительной изоляции страной редки.

Сахара до начала времен

Наскальная живопись Сахары – одно из самых удивительных творений в истории человечества. Оно – самое старое, древнее и разнообразное, но и самое прекрасное и живое. Это явление очаровывает, удивляет и в любом случае вызывает глубокие размышления о волнующем послании наших предков. Прежде чем отправиться в те загадочные места, необходимо определить их границы. Понятие «наскальное» касается любого графического изображения, гравюры или живописи, с использованием в качестве основы поверхности скалы, независимо от ее качества и размеров.

Открытие

Наскальная живопись известна очень давно. Первым ее, без сомнения, открыл немецкий исследователь Генрих Барт, работавший в Сахаре между 1849 и 1855 годом. Кроме того, многие путешественники возвращались из своих странствий с многочисленными записями, собрание которых составило бы целые тома. И действительно, в местах, где есть скалы, достаточно гладкие для того чтобы не мешать скольжению кисти, есть шанс встретить и рисунки. То же самое касается и гравюр.

В начале двадцатого века геолог Фламан, долгое время путешествовавший на юге Орана, заметил гравюры на скалах. Это заинтересовало его, и он сделал с них многочисленные копии. К сожалению, этот исследователь умер до того, как в 1921 году был выпущен прекрасный альбом, увековечивший его труд.

Что же касается наскальной живописи, то существует очень много трудов на эту тему. Она покорила таких людей, как Лео Фробениус, аббат А. Брей и Анри Лот, которые посвятили ей всю свою жизнь. Лот не только опубликовал многочисленные неизвестные копии наскальных рисунков, но и содействовал их классификации.

До недавнего времени считалось, что живопись наивысшего качества существует только на гравюрах. Но мы в этом совсем не уверены. Заблуждение состоит в том, что гравюру гораздо труднее воспроизвести через рисунок или фотографию, раскрашивая оригинал цветными красками. После целого шквала критики таких приемов, которые и в самом деле заканчивались разрушением шедевра, фотографы, к счастью, стали тщательнее готовить свою аппаратуру и подбирать фотопленку для съемки явлений сахарской гравюры. К тому же теперь посетителям больше не разрешается «смачивать» рисунки для того, чтобы они лучше получились на фотоснимке, иначе они просто окажутся смытыми. От этого варварского метода уже чуть не погибли лучшие образцы наскальной живописи на юге Африки, в частности уникальный ансамбль Белой Дамы в ущелье Цисаб в Намибии.

Все эти исследования в конечном счете привели к появлению огромного количества гравированных или рисованных изображений из Сахары, относящихся к разным эпохам и группам.

Трудности датировки

Но как же на самом деле определить авторов или хотя бы возраст наскальных изображений, которые на одном и том же камне могли возникнуть в разные тысячелетия?

В Европе разные ученые относят одни и те же рисунки к различным векам. Это объясняется применением всевозможных методов датировки, которые сами по себе не совсем точны.

Что же это за методы?

Первый касается оценки возраста объявшего наскальные рисунки археологического слоя, который в некоторых очень редких случаях покрывает его. Впрочем, этот археологический слой мог быть перекопан и его датировка радиоуглеродным методом, например, не принесет никаких точных сведений о возрасте изображения под ним. Кроме того, как с уверенностью можно связать археологическую находку и какое-либо изображение, находящиеся в одном и том же укрытии в нескольких метрах друг от друга? Это укрытие могла навестить какая-нибудь группа людей, оставивших на почве керамические осколки, а затем, спустя одно или два тысячелетия, сюда пришли другие люди, разрисовавшие скалу. Как считать?

Мы должны также остерегаться замечаний, основанных на состоянии патины, зная, что она очень варьирует в зависимости от расположения по отношению к ветрам, нахождения в тени или на солнце. Кроме того, мы должны учитывать химический состав скальной породы, который может быть ответствен за многие изменения.

Антилопы, быки и гиппопотамы часто изображены в архаическом стиле. Среди животных можно угадать и слона. Наскальная живопись Тин-Тазарифта, Сахара

В целом классификация, базирующаяся только на патине, была отвергнута как слишком ненадежная, хотя и позволяющая выдвинуть первые гипотезы.

Другой часто употребляемый метод – изучение напластований. Иногда на гравюре можно различить, является ли какая-нибудь черточка древнее другой, а если речь идет о живописи – была ли одна фигурка нарисована позднее другой.

Это, конечно, не определяет абсолютную датировку. «Более ранняя» или «более поздняя» – вот и весь вывод, который можно сделать. Метод деликатен, законы искусственного повреждения скал и окисления пигментов не изучены и иногда приводят к противоречащим заключениям.

Все вышесказанное – лишь прелюдия к определению причин, которые ввели в заблуждение некоторых древних историков, иногда наносивших большой вред более поздним рабо-

там. Тем не менее нам надо попытаться хронологически классифицировать наши наскальные изображения.

Древний историк, естественно, хотел отнести то или иное изображение к определенной цивилизации или эпохе. Это далеко не всегда возможно. Не решая проблему, но облегчая подход, ученые сделали попытки классифицировать все изображения в зависимости от стиля – «по школам». Это разделение ни к чему не обязывает в вопросе определения возраста. Однако иногда можно вполне резонно предположить, что эта «школа» старше какой-то другой. В таком случае хотя бы приблизительно используются термины «этаж», «уровень», «стадия» хронологической ценности.

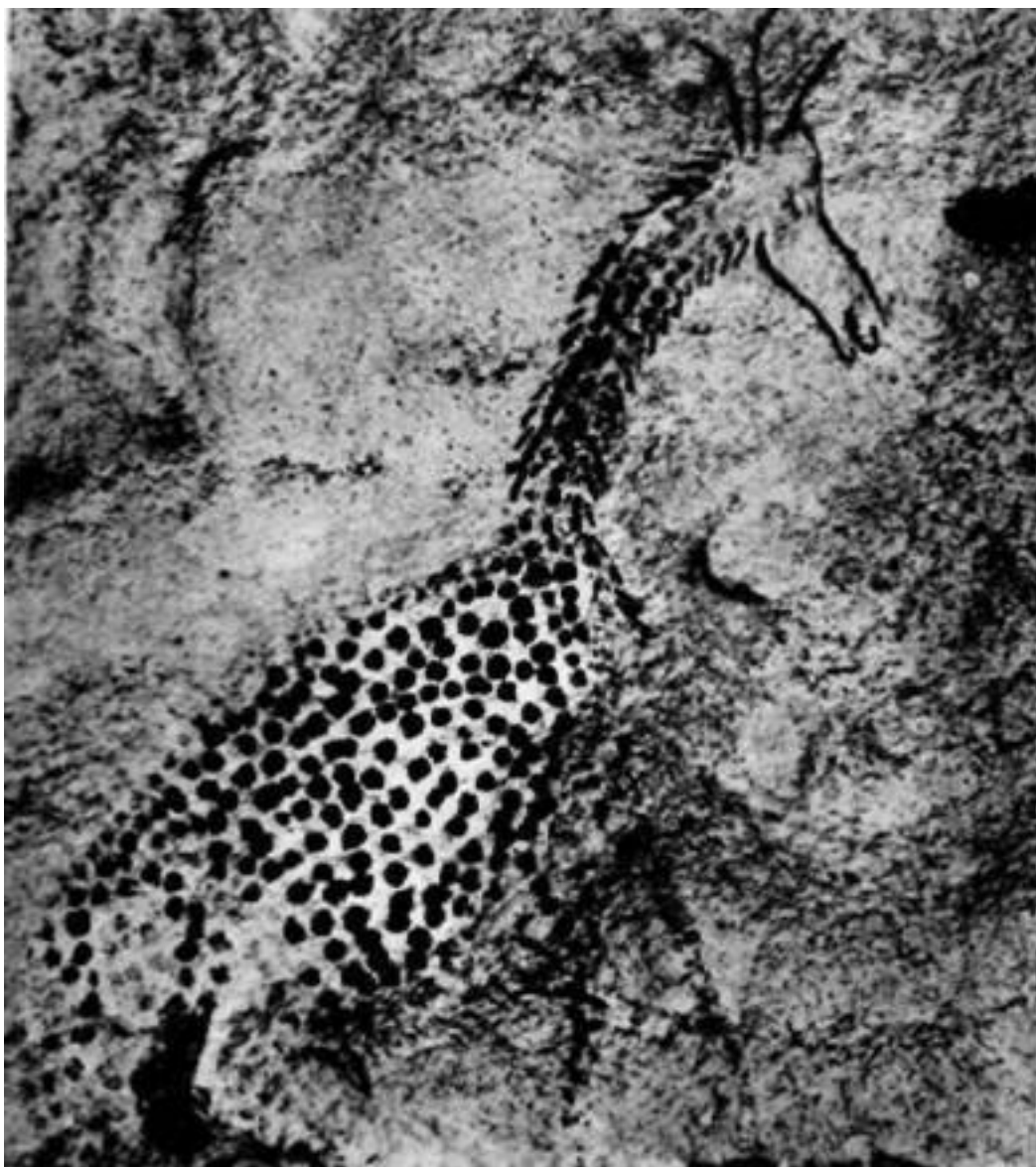
Как привязать эти «школы» или эти «этажи» к культурным группам, обнаруженным во время археологических раскопок, или как их расположить в масштабе времени? Это и есть основная проблема, и борьба мнений между историками ведется до сих пор.

Основываясь на стилистике изображений, можем ли мы определить какие либо даты или группы?

Прежде всего отметим, что сахарские наскальные изображения гораздо моложе европейских, где наскальное искусство появилось более 400 веков назад. Здесь первые натуралистические гравюры эпохи бубала имеют максимальный возраст от 60 до 70 веков, а первые рисунки относятся к периоду между 4000 и 5000 годом до н. э. Возраст неточный и, вероятно, временный: пока мы не сможем научно датировать патину рисунков, старение или повреждение гравюр на скалах.

***Стремление к гигантским размерам изображений – одна из особенностей
архаического стиля. Большая фигура в маске в районе Сефара, Сахара***

***Изображение животного, напоминающего жирафа, выполнено
в чисто натуралистическом стиле, что раскрывает
новую сторону наскального искусства, район Тиссели***

Время от времени возникает гипотеза о возможности отнесения наиболее старых гравюр к эпохе позднего палеолита. При наших современных научных знаниях эта идея, кажется, не имеет под собой основания. Поздно пришедшие кроманьонцы или настоящие африканцы, вернувшиеся в Сахару, могли быть единственными авторами наскальных изображений. Кажется, все говорит о том, что авторы этих рисунков никогда не забывали искусство графики. В любом случае надо помнить, что прямые предшественники обитателей эпохи неолита не были здесь, как в Европе, чистыми кроманьонцами. И до неолита в Сахаре не существовало наскальных изображений.

Контакты с Египтом? Но насколько интенсивные?

Существует и такая версия, что гравюры эпохи бубала настолько старые, что могли повлиять на культуру Древнего Египта. Но здесь нельзя забывать, что наскальные изображения не должны быть изолированы от свидетельств другой хозяйственно-культурной деятельности обитателей неолита, живших в Сахаре. А ведь они также известны развитием своей промышленности. Однако плоды этой деятельности весьма отличаются от того, что имело место в Египте в ту же эпоху...

Вопрос деликатный. Вспомним: какое-то время существовало мнение, по которому эти наскальные изображения, наоборот, относили к влиянию XVIII династии. Но почему в сравнительно более позднюю эпоху (середина второго тысячелетия до н. э.) графическая передача этих произведений не сопровождалась также переносом других древнеегипетских свидетельств? До сих пор сторонники влияния Сахары на Египет основывали свои предположения на том факте, что наиболее известные гравюры, найденные в долине Нила, были или рисунками из Верхнего Египта, или клеймами гончаров, и обе серии документов относятся только к амратской эпохе (около 3500 – 4000 гг. до н. э.).

В любом случае, как нам представляется, можно говорить не о египетском влиянии на Сахару, а о древнеафриканском – на Египет.

Необходимо еще знать, какими путями это влияние оказывалось и возможно ли оно было вообще? При такой перспективе, даже приняв как верную дату начала сахарского неолита VII тысячелетие, нужно еще доказать это воздействие...

Нам нужно вспомнить, как происходило заселение Сахары кроманьонцами. Если первая волна мигрантов шла с Ближнего Востока по средиземноморскому побережью, то вторая представляется более поздним нашествием народов, вышедших с востока Судана и сформировавших то, что станет так называемым неолитом с суданскими традициями. С некоторыми оговорками это сегодня самая приемлемая гипотеза. Но знания в области антропологии доказывают нам, что ни одни ни другие не сохранили в неприкосновенности свои примитивные расовые типы: чуть раньше или позже они перемешались с автохтонами другой волны. Заметим, что все кроманьонцы должны были пересечь Нил, чтобы попасть в Северную Африку, то есть в Сахару...

Великие хронологические разделы

Удивительно, но не существовало никаких начальных периодов наскального графического искусства. Оно появляется внезапно, без всякой подготовки и буквально покрывает сахарские скалистые поверхности.

Тысячелетия, наполнявшие эпоху неолита и время появления металлов, сегодня делятся на следующие большие хронологические разделы:

1. Период антилопы бубала, или охотников с их натуралистическими гравюрами и большой «эфиопской» фауной. Он начинается с пятого или шестого тысячелетия до н. э., когда еще не было и следа одомашнивания животных, кроме собаки.

2. Период пастухов рогатого скота, покрывающий, без сомнений, весь неолитический период до второго или даже первого тысячелетия до н. э. Это великая «эпоха сцен», связанных с разведением скота, с самими животными и многочисленными персонажами, изображенными в натуралистическом стиле.

3. Период лошади с его типичными персонажами с геометрическими силуэтами: они относятся к концу второго и к первому тысячелетию до н. э.

4. Период верблюда – христианская эра. В этой схеме мы не отметили время, традиционно называемое «периодом круглоголовых». Речь идет о всех довольно однотипных работах, характеризующихся очень схематичными и условными изображениями, но датировка их очень противоречива. Некоторые из них относятся к началу периода выпаса рогатого скота, а другие – к концу эпохи бубала.

Эзотерика и культ плодородия

Прежде чем приступить к изучению различных периодов и фаз, спросим самих себя, что, собственно, означает этот нарисованный и выгравированный мир? Нам до сих пор неясен тайный смысл этих посланий наивного искусства. Если приглядеться, наскальное сахарское искусство вовсе не является простой хронологией событий в цвете. Если это и временное их перечисление, то в ничтожной мере. Больше всего поражают естественность этого искусства, прекрасные натуралистические гравюры, кажущиеся более древними, чем сама живопись.

Поначалу всем хотелось видеть в сахарской графике выражение религиозности в ее первичной форме, как в Европе. Психологи утверждают, что сей выбор сюжетов отражал занятия авторов. Это вполне возможно, хотя перенос наших современных понятий на представления людей, живших несколько тысяч лет назад, не совсем научен.

Очевидно, что в графических и живописных наскальных сценах отражены представления древних о мифах и о сверхъестественных силах. Тогда картины сразу становятся понятными. Не остается никаких сомнений в их характере, и нам понятны проблемы, заботившие авторов рисунков.

Речь идет о плодородии. Ритуальная жертва приносится не только для того чтобы охота, рыбалка или любое другое занятие, от которого зависит жизнь группы, были удачными: жертвоприношение адресуется источникам этой жизни. И в наше время уже не запрещено смотреть правде в глаза. Надо понять реальность сцен, позволяющих объяснить отношения, существующие между жизнью и плодородием посредством сексуальности. Примитивная сексуальность. Наши обитатели неолита констатируют исчезновение воды и животных, которыми они питаются нарушением воспроизводства. Тогда через секс обращаются к Высшему Существо. Именно его молят о вмешательстве. И вот становится очевидным, что эти яркие изображения являются самой высокой формой религиозной общности простых людей, населявших Сахару 5 – 6 тысяч лет назад.

Говоря о сахарском наскальном искусстве, часто употребляют термин «графизм». Это означает, что выгравированное или нарисованное послание является формой общения. Подчас это больше, чем просто сочетание условных значков, через которые мы выражаем свои мысли. Не надо забывать, как были созданы алфавиты. Любой рисунок, любая гравюра, любая живопись – это настоящее сообщение о том, что пытается передать нам автор. Даже в наши дни туареги, проходя через ущелья Тиратимина в районе Иммидира, часто оставляют отпечатки своих сандалий, являющихся их визитной карточкой.

Мы должны и можем расшифровать наскальные изображения. Пусть это будет субъективно. Потребуется много времени, чтобы прийти к согласию по этому поводу, тем более если мы примем во внимание склонность некоторых археологов верить в чудеса, – это часто усложняет поиск.

Период бубала

Известно, что самые прекрасные произведения почти всегда являются самыми древними, и этому есть простая причина: художественное выражение тесно связано с экономическим базисом. С появлением первых людей неолита плодородные земли Сахары вполне могли обеспечить их существование. Со временем все резко изменится. Результатом станет ускоренная деградация – от способа самовыражения до полного исчезновения этой формы искусства.

Анри Лот, которому мы обязаны наилучшей попыткой хронологической классификации наскального искусства, предложил назвать все наиболее древние произведения «периодом бубала», или «охотников». Речь идет о прекрасных натуралистических гравюрах, изображающих обширную фауну, называемую «эфиопской» и включающую слонов, носорогов, гиппопотамов, жирафов и крупных быков. Этот список нужно дополнить целым «кортежем» мелких животных: крокодилом, страусом и так далее. Лот также приобщает сюда все рисунки, посвященные магическим ритуалам. Некоторые из картин на эту тему стали знаменитыми. Они в основном изображают человека, вырядившегося в зооморфную маску, иногда с надетым на голову головным убором – похожим на те, которые носили германские ландскнехты XV века. Нет сомнения, что этот человек – слуга культа, так как он всегда изолирован от окружающей его группы. Эта группа может состоять и из животных. Известна одна очень красивая гравюра, где «колдун» тянет за собой без видимых усилий носорога. Животное лежит на спине. Оно было убито во время охоты этим человеком. Назидательный характер сцены бесспорен. Но она – не единственная, связанная с магическими ритуалами. Существуют, например сюжеты, изображающие женщин в специфических позах, что явно напоминает о понятии плодородия. В целом рисунки делятся на две группы – обряды охоты и ритуалы плодородия.

Эти большие и прекрасные натуралистические изображения периода бубала зачастую пренебрегались в пользу живописи последующих эпох, более зрелищных, но не таких прекрасных с художественной точки зрения.

Но к концу первой эпохи, кажется, произошло что-то значительное.

Период пастухов рогатого скота

Действительно, вторая группа гравюр и первые картины больше не изображают бубала. Он безвременно исчез, правда, носорог и слон остаются, но не гиппопотам, являющийся предметом интенсивной охоты: мы встретим его только в редких случаях.

В «эфиопской» фауне этого времени представлены многочисленные жирафы и страусы, но наше внимание привлекает новичок.

Его социальное значение огромно: речь идет о быке или, лучше сказать, о быкообразных, так как легко различимы несколько пород. До сих пор не выяснено, как образовались эти одомашненные виды. Можно сказать только одно – что доказано наскальными рисунками, – родиной таких быкообразных является долина Нила. Не надо забывать, что этот район оказался колыбелью многих миграций, что объясняет последовательное появление в этой зоне все новых и новых элементов.

Картины становятся более многочисленными, чем гравюры, без сомнения, потому что требуют меньше времени и им не нужны, как гравюре, гладкая поверхность и орудия в виде твердого камня...

Палитра имеет свои границы. Основная краска – охра. Голубизна получалась из окиси марганца, белая краска – из разных источников, главным образом глины. Однако получались удивительные вариации цветов, дошедших до нашего времени и поражающих знатоков, – желтого, зеленого, розового, красного, чисто белого, голубого, из которых рождались причудливые смеси. Рисунки сделаны с выделением мелких деталей, умело и точно.

Этот этаж называют еще «этажом пастухов», так как нет никаких сомнений: мы находимся в присутствии пастухов, охраняющих огромное стадо быкообразных, которые немногим отличаются своим видом от современных быков. Наши неолитические герои полей изображены в семейных и бытовых сценах, благодаря которым можно восстановить сам дух пастушеской жизни – такой, какой она была в то время.

Этаж, называемый «пастушским», позволяет понять, что из себя представляла неолитическая группа. Он ведет нас прямиком в доисторическое время. В изобилии быки в многоцветном обличье. Рядом с ними мужчины и женщины, собаки, сцены охоты и – реже – войны. Очевидно, что фрески того периода были сделаны прямо на месте людьми, участвовавшими в изображенных сценах, и сегодня очень волнительно открывать, до какой степени эти люди близки нам.

***Предмет, которым размахивает человек,
изображенный в натуральную величину, видимо, топор***

Бегущий человек держит в руках предметы, не поддающиеся определению

Человеческие типы можно разделить на три группы. Первая – мужчина, странным образом похожий на современного. Другой наводит на мысли об эфиопах – грациозных, длинноногих и гибких. Третий – чистый африканец. Конечно, мы должны допускать в одной и той же расе большие морфологические вариации, но ведь существует некий средний тип, служащий нам в качестве эталона. Здесь такого нет.

Наоборот, создается впечатление, что речь идет о трех разных типах. В какой мере первые два из них различны? Ответить трудно. Современные фульбе, считающиеся их потомками, до сих пор хранят любопытные легенды и традиции, не позволяющие отнести их к чистым африканцам. Многие и сегодня сохраняют черты эфиопской расы, что не позволяет отнести их к истинно черным племенам. Можно предположить что, начиная с этой эпохи, пастухи быкообразных, живущие в пограничной зоне, имели контакты с населением юга и что некоторые фракции таких настоящих африканцев жили в симбиозе с этими людьми племени лугов.

Пастухи населяли суданские горы в более поздние времена по сравнению с художниками эфиопской сауны. Если приписать им одну и ту же прародину, то, значит, они были представителями одной расы, но жизненные условия должны были значительно измениться, и, к нашему стыду, мы до сих пор не можем определить, что из предметов быта кому принадлежало. Тем более что и теперь невозможно разграничить последовательные волны людей, пришедших в Сахару с востока: именно одна из таких волн принесла с собой в пустыню искусство разведения скота, что очень интересует историков.

Дает ли нам какую-то информацию об этой проблеме зоология? Самые древние гравюры изображают только одно неоспоримо одомашненное животное: собаку, вероятно африканскую борзую, – единственное изображенное животное, имеющее африканское происхождение. Известно также, что очень часто большой бык фигурирует среди остатков костей, найденных при раскопках мест, принадлежащих к более древнему времени, чем период пастухов. Если когда-нибудь появилась бы возможность найти и датировать участок, где находились бы остатки костей быков с длинными рогами или африканского быка и быка с короткими рогами

рядом с тассилийскими фресками, то можно было бы наконец получить дату появления и этих фресок и начала одомашнивания быка. Но такая работа только начинается, и мы до сих пор не имеем данных, необходимых для детального зоологического изучения.

Что касается быков, то наскальные рисунки пастушьей эпохи воспроизводят их в изобилии. Мы находим их везде на огромных пространствах Северной Африки. Но такую распространенность можно объяснить наличием пастбищ в центральных сахарских массивах. Травяной покров – верное отражение климата, и этим объясняется факт, что Адрар был более заселен на севере, чем на юге. Но такая интерпретация оспаривается картинами, замеченными почти в сердце этих бесплодных и негостеприимных земель. Может быть, есть смысл искать причины возникновения рисунков где-то еще, например, – в строении гор, которым пастухи быкообразных отдавали предпочтение? Не все долины легкодоступны. Впрочем, наскальная гравюра и живопись требуют скал, и не любых, а тех, где художник способен найти вдохновение.

Один факт представляется очевидным: условия, необходимые для развития неолитических народностей, мало помалу деградируют между шестым и концом второго тысячелетия. Очевидно, ухудшение климата, вызванное уменьшением количества дождей, ощущается прежде всего в долинах, на самых низких высотах. Поэтому жизнь уходит в горы. Следовательно, можно заключить, что раз не существует значительных следов пребывания пастухов с быками вне гор, то они единственные могли дать животным траву, в которой те нуждались.

Заметим, что высота сыграла ту же роль в выживании в Сахаре до наших дней и некоторых пород лавра, оливок и винограда.

Представленные три человеческих типа носят разнообразную одежду, тем не менее они всегда вооружены одинаковыми короткими луками, имеющими один и тот же изгиб. Стрелы иногда удерживаются руками, иногда собраны в колчане. Но это не единственное оружие: мы видим появляющийся время от времени метательный предмет, который мог быть бумерангом. Существуют, наконец, топоры. Однако совсем нет доказательств, что наши пастухи были знакомы с дротиком, и сомнительно, что они использовали копья, хотя все же имеется несколько их изображений. В любом случае даже если бы было доказано, что пастухи действительно знали эти предметы вооружения, то последние имели бы минимальное влияние на эволюцию группы. К чести наших героев надо признать, что война занимает мало места в их живописи в сравнении со сценами охоты, в которых участвуют собаки. Это прилежные охотники, знающие технику своего ремесла. Известно, что и до сегодняшнего дня пастухи фульбе не любят убивать своих животных, и нужны были глубокие перемены в их нравах, чтобы они начали отводить своих быков на бойню. До недавнего времени это были настоящие представители своего дела, питающиеся молоком, а не мясом. Животное убивают только в редких случаях, в соответствии с бессмертными ритуалами. Бессмертными? Не пришла ли эта традиция от далеких предков, значительная часть которых жила в Тассили?

Охотничья деятельность, еще очень живучая в нашей группе, была унаследована предшественниками эпохи бубала, для которой она была единственным источником получения мяса. Следовательно, пастухи, о которых идет речь, должны находиться в группе «пастухов-охотников». Возможно, что они были также «пастухами-охотниками-рыбаками». Эта последняя деятельность была весьма важна в течение всего периода сахарского неолита. Однако сцены ловли рыбы почему-то достаточно редки на фресках.

Помимо быков мы не находим здесь других домашних животных, кроме барана, козы и собаки. Собака – животное ценное, для охотника, а вот два других, как кажется, не занимали особого положения в жизни пастухов крупного рогатого скота.

А как жили люди? Почти все они изображены обнаженными, хотя элементы одежды уже начали понемногу появляться. Это и набедренные повязки, сделанные из шкуры животного, и узкие штаны, и даже предполагалось использование одежды из тесненных растительных воло-

кон, но это только гипотеза. Женщины иногда носят просторные юбки в форме колокола, но если они используют набедренные повязки, их можно отличить от мужчин только по форме груди – настолько их одежда похожа. Изображенные персонажи довольно часто носят как украшения веревочку вокруг живота. Еще недавно именно так выделяли себя жители в некоторых районах Африки. Кое-кто носит настоящие пояса и кольца на руках. Но самое удивительное – это головные уборы. Здесь и широкие шапки, нечто вроде фригийской шапочки, и даже некое подобие беретов и шляпок с перьями, и все это независимо от разнообразных причесок, иногда подкрашенных. Сама голова может быть украшена простой сферой, без всяких деталей внутри, или тщательно выполненным профилем, или опять же сферой, но отделенной двумя черточками от туловища, напоминающего астронавта или водолаза: это знаменитые «кругло-головые, столь привлекавшие в свое время сторонников палеокосмонавтики».

Поскольку многие из этих сфер по-разному украшены, можно вообразить, что речь идет о масках, но носят их обычно женщины. Не исключено, что раскраска, пирсинг по-современному, должна была быть весьма распространена в ту эпоху, если судить по некоторым изображенным обнаженным персонажам. Чаще всего тело покрыто декоративными рисунками, состоящими из параллельных линий.

Если костюмы и орнаменты еще можно как-то трактовать, то образ жизни, изображенный на данных рисунках, не всегда легко угадать.

Аббат Брей, большой специалист в области наскальных изображений, попытался дать свои версии дешифровки. Но кто осмелится утверждать, что его интерпретации объективны?! Например, картина, изображающая треугольник с большими точками, окруженный тем, что можно квалифицировать как три «головы-кегли»? Рядом на коленях стоят два персонажа. Один из них держит топор. «Легенда», по мнению аббата, гласит: «Интимная сцена рядом со спящими детьми»! Когда в одной из круглых клеток изображены горшки и кувшины, а рядом женщина разбивает на своем жернове неизвестный продукт, то можно подумать о приготовлении пищи или о перемалывании зерен. Но редко удастся пойти дальше.

Можно попытаться найти в изображенных картинах оставшиеся веками нетронутыми благодаря древним традициям африканских народов другие похожие действия. Такой способ был испробован сенегальцем Ампате Ба. Нужно признать, что в этом есть толк, так как предметы получают свое название, действия точно квалифицируются, существование некоторых поз перестает быть непонятным. Требуется глубже изучать этнографию племен и народов, например фульбе, которые, по-видимому, «ответственны» за эти рисунки. А пока приходится довольствоваться весьма смутными интерпретациями... Что, например, представляют собой предметы в форме полумесяца, которые мы наблюдаем в многочисленных домашних сценах?

Отметим также, насколько искусство пастухов динамично, оживленно. Жесты занимают большое место в графике: ко всему прибавляются утонченность черт, яркость красок, неподражаемый стиль...

Внутри «этажа» пастухов рогатого скота ученые попытались стилистически выделить несколько фаз. Но далеко в этом деле не продвинулись. Удалось только кое-что сделать в алжирской и ливийской зонах Тассили и в соседних районах (знаменитые городища Сефар, Джаббарен, Тадарт Акакус).

Так, выделена «средняя пастушеская фаза», восходящая к очень ранним периодам (около 5500 г. до н. э. в Акакусе). Она является современницей последних охотников. Это главным образом типы лучников со средиземноморским профилем, головы их покрыты неким подобием беретов. Явно присутствуют негроидные элементы и многочисленные стада быков. Силуэты наших пастухов удлиняются, тяготеют к геометризму эпохи лошади.

Больше всего споров до сих пор возникает по поводу так называемых «круглоголовых». Что это – независимая группа, предшествовавшая пастухам, или, быть может, современница последних охотников? Согласия в трактовке нет. Даже здесь существует своеобразное разделе-

ние мнений: «архаичные» нарисованы по одному контуру, или в одноцветных плоскостях, или же носят фигурные маски, другие рисунки «поновее» – это полихромная живопись, с изображением негроидных типов и очень редко – быков. Повторим, что такое разделение взглядов далеко от совершенства и не всеми поддерживается.

Итак, «круглоголовые». Мы видели, что в эпоху охотников граверы эфиопской фауны уже материализовали сверхъестественные силы в виде людей в масках, вероятнее всего «колдунов». Эти персонажи ассоциируются с двумя типами сцен: один – изображающий охоту, другой – плодородие. И те и другие задевают религиозную идею и культы.

Первые наскальные гравюры дают нам весьма неточное указание на время прихода в Сахару этой мифологии. Надо признать, что с веками она все больше обогащается. У каждой эпохи будут свои особенности, и это не единственная заслуга наскального искусства, оставившего нам столь беспокойный пантеон. Конечно, не всегда удобно относить какие-либо изображения к хронологически определенному «этажу»: они просто не вписываются в существующие временные рамки. Но «люди с круглой головой», наши замечательные «астронавты», кажутся современниками пастухов крупного рогатого скота. Часто художники, посвятившие время и талант этому странному вроде бы «малеванию», выбирали укрытие под скалой или пещеры, чтобы раскрасить стены. С тех давних пор здесь ничего не изменилось. Мощь наскальных изображений волнует всех зрителей, хотя и не содержит слишком много сцен магических ритуалов, ритуальных оргий, неизвестных жертвоприношений. Ни в одном месте на земном шаре нет ничего подобного. Одновременно легкие по стилю и, если можно сказать, тяжелые по смыслу, они ассоциируют избранных людей с обожествленными животными, а их формы несут в себе тайную эзотерику. Создается впечатление, что молитвы и ритуалы людей становятся все более частыми, по мере того как жизненные силы покидают Сахару, и это читается на скалах: трагическая история плодородной страны, обреченной на то, чтобы стать самой красивой пустыней мира...

Наблюдательный человек будет поражен тем, что эти круглоголовые персонажи на наскальных изображениях очень футуристичны: это одновременно и Брак и Пикассо, научная фантастика и предел невозможного. Эти «великие боги» и эти процессии молящихся или их обожателей вводят нас в нереальный мир: Елисейские поля для упокоившихся героев, ставшие некой коллективной памятью? Фантазмагорические боги встречаются на своем Олимпе? Неизвестно. Единственное, что можно утверждать, – это то, что в те времена реки отступают, источники высыхают, уровень озер понижается, а люди, вспоминая о прошлом плодородии, задумываются об очень тревожном будущем. У нас нет ключа, чтобы понять эти горестные послания. Быть может, их смысл скрыт в глубине легенд пастухов-фульбе.

Колесницы в «летащем галопе»

Во многих местах Сахары сохранились странные изображения. Сомнений нет – на них мы видим колесницы. Колесницы, запряженные двумя или четырьмя лошадьми и чаще всего изображенные как бы в «летащем галопе». Животные показаны в движении, передние ноги выброшены вперед, задние – назад. Однако главное не в этом. Оно в способе изображения, так как нет никаких сомнений, что колесницы очень древние. Но как мы можем определить их возраст, если не сохранилось ни одного критерия, кроме состояния самого рисунка и силуэтов колесниц? Идет ли речь об историческом, доисторическом или происторическом «этаже»?

Первое время сам наскальный характер изображений колесниц исследователи выставляли впереди их исторического значения. Это объясняет ошибку, состоящую в том, что их автоматически зачисляли в... доисторический период. И только позже задалась вопросом о причинах их существования в столь необычных местах.

Одна из наших задач в том, чтобы оправдать существование элементов, характеризующих развитую культуру, в тех местах, где никто не ожидал их найти. Впрочем, мы обладаем некоторыми сведениями о ряде интересных и загадочных событий в жизни обитателей северо-восточного побережья Африки начиная со второй половины второго тысячелетия до н. э., и колесницы занимают там значительное место. Таким образом, у нас есть кое-какой археологический и исторический материал по древней истории Северной Африки. В любом случае все мы вышли из доисторических времен в прямом смысле этих слов. И если житель того времени мог заинтересоваться колесницами, то скорее всего это происходило в силу особых обстоятельств.

Самый первый вопрос, который специалисты, к сожалению, не задают себе, – может ли сама Сахара быть родиной местных колесниц? Для того чтобы ответить на него, необходимо понять следующее: что такое колесница и каковы ее происхождение и конструкция. Для чего и где ее использовали: есть ли здесь экономическое оправдание? Могла ли она катиться где угодно?

Постройка колесницы требует применения металла. В этом и состоит проблема: в эпоху неолита в Сахаре его еще не было, а для повозки требуются шины, клинья, шайбы, заклепки или гвозди.

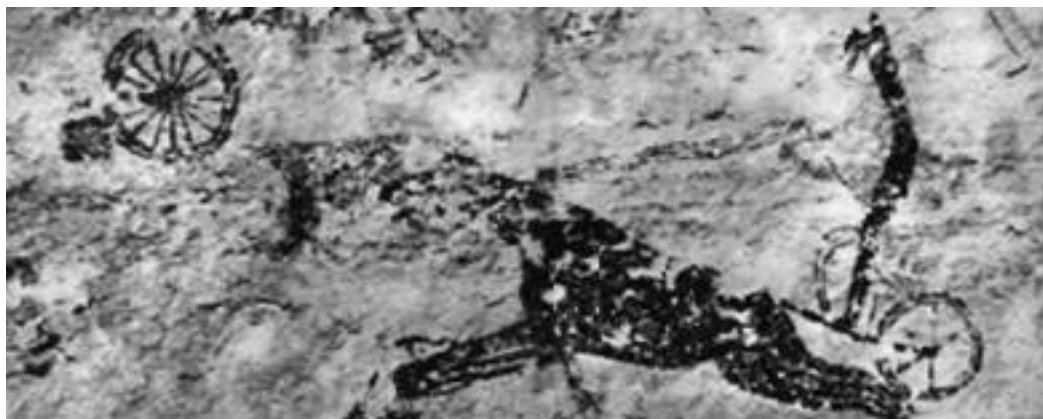
В 1938 году итальянец П. Грациози обнаружил изображения колесниц в районе Массуда, правда довольно посредственные. Их авторы не теряли времени на соблюдение ортогональной проекции и перспективы. При изображении повозок они будто бы смотрели на них сверху. Колеса и сами лошади вырисованы в профиль, возница – в фас. Лошадей запрягали по четыре или по две, иногда даже по одной, исходя из размера колесницы.

В любом случае все устройство повозки передано очень схематично: ось, соединяющая два колеса с шестью спицами в каждом, и настил. От него отходят два дышла, заканчивающиеся двойным ярмом на шее лошадей и напоминающие ярмо боевых колесниц Египта эпохи фараонов. Правит этим сооружением один человек, всегда стоя. На других рисунках колеса боевых колесниц имеют всего четыре спицы, а дышла соединены перекладиной – единственным ярмом для всей упряжки, но на настиле стоят два человека: возница и вооруженный воин...

Сразу заявим: некоторые попытки доказать, что колесницу можно построить без единой металлической детали, являются опасной утопией. Колесницы, запряженные быками, ездил медленно, их колеса были более мощными. Повозки же с колесами на спицах, с кабинкой или без нее, запряженные 2 – 4 лошадьми, создавались не для медленной езды: они должны были выдерживать тряску, удары о камни. Как минимум, их ободья должны были быть из металла, и мы не видим причин, почему другие детали не изготовлялись из железа. Аргумент, приво-

димый обычно противниками теории колесниц, говорит о рахле – знаменитом верблюжьем седле, не содержащем ни единого элемента из металла. Но «рахла» – это седло, а вес человека относительно невелик.

Действительно, имелись колесницы на деревянных колесах. Но, повторяем, то были скорее всего повозки, запряженные быками, существовавшие в юго-западном секторе Сахары. Они присутствуют всего на нескольких наскальных изображениях. Это типичная африканская повозка, и пастухи из Тассили уже были знакомы с ней до «летающего галопа», – она традиционна и не имеет отношения к нашим колесницам, запряженным лошадьми. В самом деле, преодоление препятствий колесами зависит от двух факторов: веса самой конструкции, ее водителя и скорости ее перемещения. Значения этих двух элементов здесь намного выше, чем в случае колесницы с быками. Колесница с деревянными колесами, едущая по каменистой пустыне, не выдержит и пяти километров, она непременно сломается. Сама идея такой простой повозки уже тупиковая, так как деревянное колесо со спицами, которое мы видим на некоторых изображениях и которое не имеет никаких укрепляющих металлических деталей, долго не протянет...

Колесницы чрезвычайно редки на наскальных рисунках, особенно такие, у которых специалисты могут разглядеть детали повозок и колес

Не похожи эти колесницы и на древнеегипетские. Тогда откуда же они взялись?

И еще вопрос: с какой целью сахарские жители эпохи неолита или скорее их потомки могли использовать эти повозки, если доказано, что они предназначены в основном для войн? Прежде всего, где они могли их раздобыть? Если бы археологам случайно удалось найти такое место посреди Сахары, где за 1500 лет до н. э. люди умели строить такие колесницы, чей силуэт заставляет думать об Эгейском мире, о критской цивилизации, то, вероятно, нам осталось бы еще что-то кроме рисунков и гравюр. Ни металл, ни изделия из него не производят без соответствующей инфраструктуры, сопровождающей цивилизацию. Специалистов по сахарской доисторической эпохе поражает то, насколько редок металл в Сахаре. Не то чтобы он совсем отсутствовал, но он там очень рассеян, даже если принять во внимание тот факт, что кочевники или обитатели оазисов находили очень мелкие кусочки металла и использовали их в домашнем хозяйстве.

Наши сахарские колесницы к 1500 году до н. э. могли быть построены только на территории нынешней Мавритании или Нигера. Но в этих районах наскальные изображения не представляют ни одной колесницы, из чего можно сделать вывод, что они сделаны где-то в другом месте. Нужно допустить, что если во времена античности в городах Сахары жили люди, то нам наверняка достались бы какие-то другие доказательства в подтверждение наших догадок. Но в 1500 году до н. э. сахарские равнины становятся неудобными для переездов. Цивилизация

не исходит более из Сахары. Тем не менее именно здесь следует искать истоки происхождения колесниц. И можно почти с уверенностью сказать, что они появились внезапно именно в тех местах, где имеются их изображения.

Теперь самое время вспомнить о глубоких следах, оставленных здесь средиземноморскими цивилизациями, – речь идет о так называемых «народах моря».

«Народы моря»

Известно, что речь идет о военных нашествиях, может быть, даже миграции народов, расшатававших Египет во времена XIX династии, в XIII веке до н. э. Они явились результатом великих потрясений Восточного Средиземноморья того времени: крито-микенская цивилизация рушилась, Греция захвачена «дорийцами», Троя скоро падет, филистимляне устремились в Палестину. Если верить египетским источникам, большая коалиция этих племен наступает на дельту Нила многочисленными волнами. Эти этнические группы, широко представленные на барельефе храма Мединет-Абу, были названы «народами мира», и ученые хотели видеть в них известные по данным археологии племена: данунов (данайцев?), акайвашей (ахейцев?), пелесетов (филистимлян?), шарданов (сардов?) и так далее. А возглавляли их ливийцы: «мешуеши» и «либу». Эти «народы моря» приходили иногда морем, иногда с востока дельты, чаще всего по побережью Ливии, где были их военно-морские базы. После многих схваток подобная коалиция была рассеяна фараоном Мернептахом около 1230 года до н. э., и побежденные разрозненные остатки захватчиков в беспорядке возвращались к побережью Средиземного моря.

Таким образом, налицо вторжение на африканскую территорию чужеродных этнических и антропологических элементов из Эгеиды, по-видимому, изгнанных с их земель другими захватчиками из Балкан и Малой Азии. Этот факт истории многократно подтвержден археологическими находками. Совсем недавно на острове Санторин была найдена прекрасно сохранившаяся фреска, изображающая атаку «ливийской» цитадели – с пальмами, жирафами, другими африканскими животными – эгейскими военными кораблями. Эти захватнические группы европеоидов, высаживавшиеся на берега Ливии, зачастую входили в альянс со своими захватчиками, также мечтавшими завоевать Египет. Но эгейцы и их союзники имели в своем распоряжении в качестве вооружения одну лишь колесницу, которая должна была противостоять великой силе фараонов.

Союз с ливийцами не помог им избежать поражения, и поскольку, без сомнения, морской путь был закрыт, они устремились в центральные районы Ливии, одной из столиц которой, видимо, являлась Джерма. Можно допустить много причин более позднего рассеивания колесниц по горам центральной Сахары. Мы же примем этот факт как одно из последствий страшного поражения и боязни быть плененными безжалостным врагом. Там, в затерянном мире песков и скал, они пытались обустроить себе новую жизнь...

Такой взгляд позволяет более – менее правдоподобно объяснить находки колесниц среди земноморского типа в центре Сахары к концу второго тысячелетия до н. э.. Можно понять местных художников, впервые увидевших лошадей и запечатлевших их на своих рисунках. А уж по сахарским тропам совершенные эгейские колесницы передвигались достаточно быстро... Но вопросов, связанных с их присутствием в Сахаре, много и главный: кто будет их чинить? Возьмем пример: что станет с «ситроеном», если он сломается, скажем, в Агадесе? Чинить его будет или какой-нибудь «самodelкин», или сам водитель, конечно, при наличии запчастей. Если же с места поломки нельзя заказать новые запчасти, то машину уже невозможно использовать, она технически мертва. Вдоль сахарских дорог можно встретить много таких обломков. В Европе же любая неисправность была бы только временным неудобством.

Вот и колесницы создавали те же проблемы. Таким образом, можно предположить, что эпоха их в пустыне была короткой. Места находок появляются как бы мимолетно, хотя и поражают воображение тех, кто их видит. Мы не верим в «коммерческие трассы» древности, на которых красивые и легкие колесницы выполняли роль полицейских машин наших дней! И все же...

Было бы проще, если бы мы не знали, какого уровня цивилизации достигли ливийцы. Благодаря Геродоту нам известно, что их упряжки были достаточно надежными для путешествий по пустыне. Знаем мы и о развитии гарамантов, надолго задержавшихся в Сахаре.

Что же касается троп, то надо отметить, что в течение последнего тысячелетия до христианской эры они не были такими уж сложными, какими мы видим их сегодня. Климат тогда оставался все еще влажным, лошадей можно было исправно кормить: эра верблюда здесь еще не настала.

Итак, проблемы, поднятые колесницей, далеки от понимания. Для того чтобы решить их, необходимо прежде всего составить каталог сотен гравюр и рисунков, найденных в пустыне. Затем классифицировать изображения по стилям или по типам. Уже описаны возницы колесниц, их вооружение, силуэты, предметы, которые они держат или носят, формы дышла. Учитывая окружающую натуру и происхождение рисунков, были, естественно, обособлены колесницы, запряженные быками: они наверняка имеют местное, средиземноморское происхождение и связаны с цивилизацией быка.

Можно ли после всего этого считать окончательно приемлемой карту «дорог», по которой ездили колесницы, созданную некоторыми авторами и соединяющую отдельные районы? Пожалуй, стоит пока воздержаться от последних выводов. И все-таки мы можем допустить мысль о большей степени проникновения эгейской культуры в Африку. Ведь надо также учитывать и тот факт, что авторы картин и гравюр могли создавать свои произведения только там, где поверхность скал и само их наличие позволяли им творить... А были ли скалы обязательно связаны с дорогами, по которым ездили колесницы? Тут приходит на ум такой ответ: в мирное время легче было ездить по открытым пространствам, а в смутное время выбирать горные дороги!

Но как доказать, что колесницы ездили не только по ним? Как узнать: местный творец или иностранный наблюдатель создал то или иное произведение?

Одно кажется нам доказанным: здесь был необходим металл, без него колесницы не были способны покрывать большие расстояния, да еще по пересеченной местности.

Период лошади

Наравне с колесницами в нескольких изображениях часто появляются лошади; и не только в упряжке – по две, реже по четыре, но и как отдельные животные.

Дикие лошади известны людям с древних времен по костям, найденным при раскопках. В период неолита были созданы картины и гравюры с изображением этих животных на воле в Тассили, Феццане, Тибести и в горах Атласа. Известно, что одомашнены они были позднее, только в начале второго тысячелетия до н. э. в Азии и появились впервые в Египте во время вторжения гиксосов, где-то между средним и новым царствами (около 1700—1600 гг. до н. э.). Затем они вошли в классическую иконографию Нового царства.

Среди наших наскальных изображений мы находим фигурки лошадей с всадниками, имеющими геометрический профиль, типичный для средиземноморских народностей. Но эти рисунки малочисленны. Одомашненная лошадь не становится частью сахарского пейзажа, пустыня наступает...

Кто эти люди, наследники пастухов рогатого скота периода быка? Вероятно, это прямые их потомки, живущие в многочисленных поселениях, и наше незнание скорее стилистическое, нежели этнографическое.

Действительно, таинственные люди продолжают рисовать быков и коз, но меньше, чем в предыдущую эпоху. Они рисуют «загоны», похожие на те, что имелись в былые эпохи, сцены «бесед» праздных женщин рядом с «загонами», или как их назвал аббат Брей, – «интимные сцены», сцены охоты, красивых лучников и т. п.

Композиции (в предыдущую эпоху они или статичны – сидящие люди, или часто стоящие персонажи) теперь изображены в движении, как и в сценах охоты периода бубала, с видом огромных дьяволов, разбегающихся во все стороны.

А где же новинки, оправдывающие наш «лошадиный период»? Прежде всего стиль изображения персонажей становится откровенно геометрическим с тенденцией удлинения фигур. Эти силуэты с тонкой талией и квадратными плечами странным образом напоминают фигуры греков на вазах в национальном музее Афин.

Головы больше не выделяются: их заменяет «стержень», перпендикулярный к горизонтальной линии, изображающей плечи. Более того, многие персонажи вообще не имеют головы. Художественная условность или религиозные мотивы? Встречается и некое подобие копья вместо головы. Что это – маска, шлем?

Женщины изображены так же схематично, но в меньшей степени, чем мужчины, они все же сохраняют гармоничность линий.

Среди других новинок – одежда: больше нет рисунков обнаженных мужчин или женщин. Представители сильного пола охотно носят нечто вроде коротких туник, сильно приталенных, а иногда длинный широкий плащ. В других случаях показаны туники, оставляющие плечо голым. У женщин длинные приталенные юбки, иногда расширяющиеся книзу.

Тревожная нотка: едва допустимые в эпоху бубала войны здесь уже занимают прочное место. Колесницы и в основном круглые щиты и копья. Сцены с группами лучников: люди преследуют уже не антилопу, а других своих собратьев. «Загоны», изображенные с помощью множества концентрических кругов, – это круги бойниц, больше похожих на укрепленные точки, чем на мирные хижины. Как и другие народы, которые их опередили, наши пастухи открывают для себя лязг оружия: они войдут в историю! В своих последних фазах геометрический стиль становится все более условным. Например, «молящийся» тип – персонаж с двумя поднятыми руками и согнутыми и разведенными ногами, – это уже чистая графика, которая покрывает скалы Сахары вплоть до Атласа.

Пришло время и для другого открытия: письма. В это время появляются первые напоминающие алфавит значки – предтеча письменности современных туарегов. Мы покидаем доисторические времена!

Период верблюда

И вот на сцене появляется другое животное, приспособленное для жизни в сухих районах лучше лошади: верблюд, а на самом деле дромадер.

Он пришел из Азии и был завезен в Египет после персидского завоевания в 525 году до н. э. В эллинскую эпоху он уже многочислен в Египте, хотя еще и не завоевал свое сегодняшнее положение. Но уже начинают говорить о верблюжьих караванах, пересекающих пустыни Аравии и Ливии. Но их распространение по Киренаике, Магрибу и Сахаре идет долго: ссылки на верблюдов появляются все чаще в I веке до н. э., но только примерно в начале первого христианского века они становятся обычными североафриканскими животными. Отметим, что параллельно продвижению вдоль средиземноморского побережья верблюд появляется в Нубии, затем в Судане и Чаде. Именно благодаря ему путешественникам, торговцам и чиновникам удалось сравнительно быстро достичь удаленных от любой цивилизации районов центральной и южной Сахары. На скалах там до сих пор рисуют всадников, сидящих на бредущих верблюдах, а быки уже больше не встречаются. Это исчезновение быков указывает на резкую деградацию климата. Их наскальные изображения в полном упадке. Полностью утеряны не только натуралистическая традиция эпохи бубала, но и ее геометризм. Их угловатость не просто примитивная или детская: здесь уже нет души, здесь пустота.

В техническом плане великая новость: появилось железо. Оно известно в Египте со второго тысячелетия до н. э., но в ходу только после персидского завоевания. А вот в Мероэ, Судане и Чаде уже с шестого или даже седьмого века до н. э. железная металлургия уже известна и широко используется с седьмого или шестого века до н. э.. Именно отсюда разными путями железо проникает в южную и даже центральную Сахару, но там оно будет все еще очень редким.

Копья воинов, шедших рядом с колесницами, вероятно, уже из железа.

Мы видим, как медленно и трудно проникают в этот затерянный мир культурные нововведения в течение первого тысячелетия до н. э.. То, что остается и закрепляется здесь, балансирует между доисторическим периодом, неолитом и железным веком. Но что означают отныне эти слова на огромных просторах, откуда песок изгнал людей?

Зооморфные и антропоморфные скульптуры

Бегло взглянув на наскальные изображения, мы вряд ли до конца оценим чисто человеческий характер послания, которое они содержат.

Однако было бы ошибкой верить в слишком жесткое разделение неолитического сахарского общества. Искусство не является уделом одних лишь художников или гравиров. Напротив, простые изделия показывают, что в обществе присутствовала общая тенденция, обращенная к совершенствованию вещей, что указывает на высокий уровень культуры этноса в целом. Например, керамику создавали тонкие художники. А что говорить о скульптуре! Ее связь с темами наскального искусства очень показательна. В разных районах Сахары были найдены зооморфные статуэтки из прочного камня, являющиеся просто шедеврами. Речь идет не о примитивных поделках, но о необычных произведениях, отмеченных печатью гения.

Однако выбор сюжетов узок: бараны, козы и быки – это все животные, изображенные художниками. Правда, имеются и газели, и их изображения наиболее совершенны.

По правде сказать, до наших дней дошло только около десятка этих шедевров. Можно предположить, что какие-то вещи сохранились в частных коллекциях, но в любом случае они немногочисленны и, наверное, являются предметами культа. И действительно, иногда кажется, что изображенные животные рассматривались как обязательное условие для выживания группы. Отсюда до эзотерики колдунов – один шаг. Издавна они констатировали жизненную связь между водой, растительностью и животными. Следовательно, человек зависит от этой триады. Ее основной принцип – плодородие. Посвященный ей культ должен обеспечить выживаемость группы.

Сохранились многие доказательства существования этого культа плодородия. В районе Силета посреди Ахаггара один солдат колониальных войск нашел однажды три замечательные вещицы. Это было накануне Второй мировой войны, и научные умы были заняты другими проблемами. На три скульптуры никто не обратил внимания. Тем более что их очень необычный характер не позволял опубликовать их изображения. И действительно, две из этих каменных скульптур состояли из минеров, вкрапленных в жесткую известь. Художник выполнил две фигуры – одну мужскую, другую женскую – с прекрасной анатомической точностью. Третья скульптура загадочна и может при большом воображении оказаться обоеполой. Остается только гадать, как неолитические скульпторы обходились без металлических инструментов в такой трудной работе с твердым камнем!

В галерею шедевров надо включить также сосуды из твердых камней: подносы, прекрасные отполированные миски правильных форм. Существует большое разнообразие обломков, использовавшихся для изготовления того, что было названо «каменным ювелирным производством». В Зуаре, в южной части Тибести черная пористая лава была использована для изготовления овальных жерновов и довольно странной посуды: горшки, кувшины, ступки снаружи разрисованы весьма необычными орнаментами. Сопровождают этот ансамбль похоронные стелы.

Несомненно, неолитический этнос, населявший Сахару до «начала времен», достиг высокого уровня цивилизации. И удивительно, что их сокровища, дошедшие до нас в виде наскальной живописи, еще так мало изучены, но уже подвергаются разграблению. Они могут быть уничтожены еще до того, как их загадки окажутся решенными...

Неолитическая Сахара послужила тигелем для множества племен и народов. Фульбе суданской саванны, теббу из Тибести, харратины алжирских – все они наследники этих людей, которым мы обязаны творением удивительных галерей искусства, еще являющихся взорам изумленного человечества.

«БЛЕДНЫЙ ЛИС» ДОГОНОВ

Догоны

Страна загадочных догонов – это излучина реки Нигер, сердце западноафриканского Сахеля. Здесь сходятся Сахара и зона саванн. Догоны проживают на территории Мали и Буркина-Фасо. Ни одна ни другая страна не относится к разряду «туристических» – в них отсутствует развитая инфраструктура, за пределами столиц практически нет хороших отелей, дорог мало. Так что при посещении плато Бандиагара, где живут догоны, надо рассчитывать на походный или полупоходный образ жизни. Прямых рейсов ни в столицу Мали Бамако, ни в столицу Буркина-Фасо Уагадугу из Москвы нет. Перелет через Париж авиакомпанией «Эр Франс», а далее – по обстоятельствам. Перед поездкой необходимо позаботиться о прививках, поскольку страны Западной Африки неблагополучны с точки зрения эпидемических и прочих заболеваний, связанных с питанием и питьем.

Там, где мутные воды Нигера широкой дугой огибают буроватые обрывы ожелезненных песчаников, за иссохшим плато Бандиагара живут догоны. «Гран-Лярус», обстоятельная французская энциклопедия, уделяет этому народу всего несколько строчек: «Догоны сохранили свою специфическую древнюю культуру». Затем следует несколько слов о догонских масках. Но разве найдется в Африке племя или народность, у которой их не было? И хотя догонскую работу по дереву специалисты считают шедевром африканского искусства, самое интересное у этого племени – его духовная культура. Его удивительно стройные мифы. Его – да позволят нам это выражение – «теория мироздания».

Странная «бледная лиса»

Догонов насчитывается триста тысяч. Не самая маленькая и не самая крупная африканская народность, за пределами узкого круга специалистов мало кому известная. Когда-то, лет за тысячу до наших дней, они жили в верховьях Нигера, в области Мандэ, самом центре древней империи Мандинго. Тогда их жилища усеивали склоны гор Курула. В этот горный район догоны, как говорят их предания, попали из области Дьягу, откуда Нигер начинает свой извилистый путь к океану. Переселение за переселением, смешение с другими племенами – вот вкратце вся ранняя история догонов. В середине десятого столетия до Мандэ – родины догонов того времени – докатилась волна ислама. Натиск ее был не так уж силен, словно растеряла она силу в безлюдье Сахары, и люди отказались принять новую религию. Одно из догонских племен – ару отправилось вниз по Нигеру искать новую родину. Постепенно все родичи перебрались в район плато Бандиагара, вытеснив оттуда к концу XIII века прежних жителей – племя теллем. Тогда-то, в эпоху переселения, и зародилось деление догонов на четыре племени: дьон, ару, оно и домно. Поскольку каждое из них добиралось до Бандиагары своим путем, то и селилось оно отдельно от других, в своем собственном районе. Теперь все переменилось: нередко представители различных племен живут в одной деревне, но прежняя обособленность сохраняется. Впрочем, общению нередко препятствует языковой барьер: разговорный язык догонов, «догосо», делится на множество диалектов, порой разительно отличающихся один от другого. Общим остается только ритуальный «сигисо» – архаичный и понятный теперь уже лишь посвященным – язык знахарей и колдунов, язык жрецов древней религии, язык «бледной лисы».

«Бледная лиса» – маленький светлорыжий зверек, которого догоны считают своим прародителем, водится в изобилии в их горах. «Бледная лиса» в свое время умела говорить на языке «сигисо» и рассказала догонам их мифы.

Два этнографа

Волею исторических судеб догоны, как и большинство суданских народностей, в конце XIX века оказались под французским владычеством. Им при этом до некоторой степени «повезло»: колонизаторы не слишком-то жаловали их труднодоступный засушливый край. Может быть, оттого Бандиагара и стала этнографическим заповедником.

Дорогу в эти места проложил в начале века лейтенант колониальных войск Луи Деплань. Культура «дикарей» его не интересовала, но, составляя их список, он отметил догонов. Открывателем этой культуры для европейцев надо считать Марселя Гриоля. Ему было чуть больше тридцати, когда в составе Транссуданской экспедиции он попал в Бандиагару. К тому времени в Европе уже хорошо знали африканскую скульптуру: ритуальные и культовые статуэтки из бронзы, слоновой кости, черного дерева. Молодого ученого привлекла иная сторона духовной жизни африканцев. Едва ли не первым из европейцев он занялся изучением ритуальных масок. Тщательно допытывался до смыслового значения цвета, декора, орнамента – каждой линии, каждого выступа на маске. Он подружился со многими знатоками древних обычаев: Оготеммели, Оньонлу, Акундьо Доло, со жрецами – Манда из Оросонго и Номмо из Нандули, и еще многими другими догонами. «Наши отношения были подлинно сердечными», – напишет много лет спустя Жермена Дитерлен, верная спутница Гриоля. Экспедиции отправлялись одна за другой. Стараясь как можно полнее познакомиться с жизнью догонов, Гриоль приезжал к ним и в сезон дождей, и в жару, когда в выжженной безжалостным солнцем стране становилось трудно даже собственным жителям. А что уж говорить о пришельцах! Деплань написал в сердцах в рапорте: «Я не встречал столь мало приспособленной для человека страны, как земля догонов».

Вторая мировая война прервала полевые исследования, а когда после многолетнего перерыва Гриоль вернулся к своим друзьям, те встретили его с почетом и решили посвятить в самую сокровенную свою тайну – миф о сотворении мира. Это решение верховных жрецов и патриархов родов представители племени выполняли больше месяца. Тридцать три дня шла предварительная подготовка.

У догонов нет письменности. Миф заучивают наизусть и в таком виде передают потомкам. Существуют, правда, тысячи вспомогательных знаков. Но это лишь мнемонические средства, иллюстрирующие основные идеи мифа. Ежедневно после многочасового сеанса обучения таинственным знакам мифа учитель-догон приходил на совет старейшин и сообщал об успехах белых учеников. На тридцать четвертый день Гриоль услышал наконец «светлое слово» – сущность догонского мифа. При жизни Гриоль успел опубликовать только одно-единственное краткое сообщение о догонской концепции мироздания. В 1956 году он умер во время очередной экспедиции в страну своих исследований.

Жители области Санга, где работал Гриоль, воздали ему наивысшую почесть, какой до тех пор не заслужил ни один европеец: памяти умершего ученого была посвящена самая главная, самая торжественная церемония похоронного обряда – снятие траура, или «дамана», что на священном языке значит «большой запрет». Когда умирает человек, на его близких родственников налагают множество запретов: нельзя есть многих вещей, нельзя выполнять определенные работы. Срок запрета зависит от положения, которое занимал умерший в племени при жизни. Дело в том, что на «снятие траура» приглашаются старейшины всех родов племени. Каждый из них является на поминки в сопровождении многочисленной свиты. Хозяева не жалеют для гостей просяного пива и еды. Нередко на угощение уходит весь урожай семей-

ного поля. Чем знатнее был покойник, тем больше гостей, тем больше пива надо для «дамана», тем дольше носят траур...

Уступы плато Бандиагара в Мали, к которым прилепились хижины догонов

Французского этнографа поминало все племя. За две луны до начала церемонии юноши ушли в саванну собирать дерево и травы, а потом в деревнях закипела работа: делали маски и браслеты, сплетали травяные юбки, красили парики.

Под вечер, надев угловатые самодельные траурные обновки, подпоясавшись белыми кушаками, посвященные начали на окраине деревни медленный нескончаемый танец. Под ритмичное уханье барабанов извивающаяся змейкой цепь танцоров отправилась в скалы. Туда, где на голой площадке установлена громадная глыба камня – «Аммагину» – Дом бога. Здесь, перед алтарем, всю ночь продолжалась священная пляска, видеть которую разрешено немногим – лишь тем, кто принят в мужское братство племени. Догоны провожали душу ученого к Амма, высшую тайну которого они открыли чужому человеку, да к тому же европейцу.

К утру танцоры вернулись в деревню. На пыльной площади возобновились печальные пляски. Многочисленные гости уже расселись на циновках. Пир длился до вечера. В косых

лучах предзакатного солнца малыши поднесли предводителю танцоров дары: кувшины просяного пива, блюдо риса, связку вяленой рыбы, немного соли. В последний раз пустилась вдоль деревни вереница танцоров, поливая землю пивом и посыпая зерном. Все мужчины и женщины устремились вслед. Каждый человек держал в руках глиняный черепок. Шествие направилось к южной околице селения, потому что духи умерших живут где-то далеко к югу от страны догонов. Отчаянно бубнили барабаны. Выстроились в ряд, каждый зашвырнул как можно дальше свой черепок и без оглядки пустился наутек... Душа усопшего ученого переселилась в дом догонского бога. Перед капищем всю ночь стояли горшок с просяным бульоном и кувшин пива – пусть душа человечья отпразднует свое переселение...

Прошло девять лет. В Париже под редакцией Жермены Дитерлен вышла первая часть собранных французскими этнографами преданий – «Бледная лиса», космогонический миф догонов. Книга была тщательно прокомментирована Гриолем и его ученицей. Но за пределами узкого круга специалистов она не вызвала интереса. Впрочем, работа и не была предназначена широкой публике.

Хижины догонов нередко украшены орнаментом, содержащим сюжеты из прошлой жизни племени

Однако десять лет спустя появилась другая книга. Выпустил ее Эрик Геррье, астроном из Марселя, страстный любитель археологии и этнографии. Наблюдая за первыми шагами человека по лунной поверхности, Геррье вспомнил, что когда-то читал нечто похожее. Только где, в каком фантастическом романе? Память заработала и привела в неожиданное: «Бледная лиса»! Первое в истории человечества прилунение живо напоминал о описании в догонском мифе прибытия «ковчега Номмо», а следы астронавтов вызвали в памяти след медной сандали Номмо.

Геррье перечитал миф, разыскал более раннюю работу Гриоля «Суданская система Сириуса». Астронома поразил и содержащиеся в этих работах сведения. Они были обычны для этнографа, записывающего миф, и не вызвали у него чрезмерного интереса, но астрономы, видно, не часто заглядывают в работы гуманитариев. Космогоническая систем адогонов удивительно совпадала с новейшими теориями и гипотезами! Гриоль и Дитерлен старались как можно вернее, как можно объективнее передать первичный материал. Их вовсе не интересовал простой вопрос: откуда у догонов такие знания? А Геррье задал его в первую очередь.

Он встретился с Жерменой Дитерлен. Очень скоро Геррье убедился, что почтенная дама – этнограф имеет самое приблизительное представление о космических полетах. Астроном облегченно вздохнул. Отпадал важнейший упрек, который скептики могли адресовать Гриолю и Дитерлен: они, мол, вложили в уста догонов то, что знали сами. Геррье решил переложить миф на язык наших дней, воспользоваться современными научными понятиями.

Здесь стоит сделать маленькое отступление. Как уже сказано, догонские мифы передаются изустно, с помощью целого арсенала мнемонических знаков, с каждым из которых связаны образы, метафоры, сравнения. Часто слово в мифе имеет несколько иное значение, чем в

обиходном языке. В рассказе нельзя менять ни единого слова, ни одной буквы, потому что это может нарушить целое, исказить смысл. Гриоль и Дитерлен записывали прежде всего фабулу мифа. Потом они приводили пояснения самих оигонов к рассказанному. Комментарий Геррье – это попытка переложить догонский миф на язык современной науки, сопоставить его с современными гипотезами строения Вселенной.

«Вначале был Амма...»

«Вначале был Амма, бог в виде круглого яйца, который покоился ни на чем, – так начинается догонский миф. – Он состоял из четырех овальных, слитых друг с другом частей. Кроме этого, не было ничего». Имя бога – Амма – в современном языке значит «держать сжатым», «крепко обнимать», «удерживать на одном месте». И Амма удерживал, сжимал четыре основных элемента: воду («ди»), воздух («оньо»), огонь («яу») и землю («минне»). Амма имел форму маленького просяного зернышка «по». А «по» у догонов – основной элемент мира.

Главная задача верховного существа в любой мифологии – творить мир. И Амма в каждой из четырех своих частей вызывает взрыв, «который и является причиной существования». Потому он и получает свой основной эпитет «крутящийся вихрь». В дальнейшем поясняется, что вихрь этот кружится по спирали. Такой образ можно приписать и маленькому атому с электронным облаком, вращающимся вокруг ядра, и гигантской звездной системе – галактике: ведь большинство известных галактик относятся к классу спиральных.

(Как ни относиться к комментарию Эрика Геррье, нельзя отделаться от мысли, что маленькое африканское племя поклонялось в образе Амма вечному потоку энергии...)

Творческий процесс Амма продолжался довольно оригинально. Он стал создавать знаки, «придающие всему миру цвет, форму, вещество». Знаки выходят изнутри вещей. Мы называем такие знаки химическими элементами. Вся совокупность знаков называется у догонов «невидимый Амма». Прежде всего были созданы два «направляющих знака» и восемь «главных». «Направляющие знаки» принадлежат Амма и только ему.

Коль скоро речь зашла о химических элементах, нетрудно предположить, что такими «направляющими знаками» могут определяться два элемента, играющие особую роль в строении космоса – водород и гелий. Тогда «главные знаки» можно отождествлять с группами периодической системы элементов. Правда, такое сравнение весьма рискованно, потому что в другом месте мифа знаки делятся на 22 семьи «царственных вещей», и тогда общее их число, упомянутое в мифе, в два с лишним раза превышает число известных нам химических элементов. Таким образом, аналогии и сравнения здесь выглядят весьма сомнительно. Но возникают они не случайно.

Таинственная сиги-толо

Догоны хорошо знают звездное небо. Звезда Гиены соответствует у них Проциону, звезда Льва – бете Овна, есть звезды Акациевого дерева, Риса, Сорго и множество других. «Глазами мира» называются Полярная звезда и Южный Крест. Есть в догонской астрономии удивительные сведения. Так, «звездой Дерева бала» они зовут один из четырех крупных спутников Юпитера, тех самых, с которыми европейцев познакомил Галилей. Правда, с помощью телескопа у старшего брата Земли открыта целая дюжина спутников, но у догонов телескопов нет и по сей день... Впрочем, на мысль о знакомстве предков этого народа с оптическими приборами наводит и название «Двойной глаз мира», данное альфе Южного Креста. В любой телескоп видно, что эта звезда двойная. Догонский символ Сатурна – две концентрические окружности – напоминает о знаменитых кольцах этой планеты, также недоступных нашему зрению. В языке «сиги-со» существует специальный термин «то-логонозе», или «обращающаяся звезда». Так называют спутники любого небесного тела. Все эти сведения, вызывающие уважение к догонской астрономии, меркнут рядом с их «теорией» «сиги-толо». Так именуют они прекраснейшую из небесных звезд, хорошо всем знакомый Сириус.

Видимый нам свет – только фрагмент звездной системы. Ее образуют главная звезда, или Сириус А, невидимый простым глазом белый карлик Сириус В, его догоны называют «по-толо» (а «по», как мы знаем, считается мельчайшей частичкой энергии, ее зерном), и еще одна невидимая звезда «эмме-я-толо» с планетой-спутником «ньян-толо». Относительно двух последних звезд и планеты догоны говорят, что они находятся так близко от Сириуса А, что не всегда видны. Хотя Сириус одна из ближайших к Земле звезд – до него всего 8,5 световых лет, его спутник Сириус В открыт только в январе 1862 года Кларком, причем теоретическая орбита была вычислена всего лет десять до этого. Что же касается Сириуса С, то существование его до сих пор вызывает жаркие споры среди астрономов.

Но вот что говорят догоны: «Звезда «по-толо» обращается вокруг «сиги-толо». Один оборот длится 50 лет... «По-толо» регулирует движение «сиги-толо», которая движется по неправильной кривой». Именно искривленные движения Сириуса А привели ученых к открытию незаметного соседа. Период обращения Сириуса В составляет 50 земных лет... Кстати, о существовании меньшего брата звезды знают и близкие соседи догонов, например бамбара. А далеко на юге континента готтентоты называют Сириус «звездой рядом».

«По-толо» совершает вокруг Сириуса точно такой же оборот, что и «по» вокруг своего зародыша в лоне Амма... Когда «по-толо» находится вблизи звезды, та усиливает свой блеск; когда «по-толо»

удаляется, она начинает мигать так, что наблюдателю кажется, будто он видит много звезд». Впечатляющая картина, если учесть, что Сириус В не виден невооруженным глазом! На символическом догонском рисунке системы Сириуса «по-толо» показана кружком с точкой в центре. Но, как считают африканисты, на подобных изображениях ни одна точка не может появиться случайно. Геррье полагает, что этот рисунок – символ белого карлика. «Белые карлики как бы «вызревают» внутри звезд – красных гигантов – и «появляются на свет» после отделения наружных слоев гигантских звезд», – говорит советский астроном И. Шкловский.

*Быт догонов сегодня ничем не подтверждает
их глубокие познания в астрономии*

А что говорят об этом догоны?

«По-толо» – самая тяжелая звезда... Она настолько тяжела, что все люди, вместе взятые, не смогли бы поднять маленького кусочка ее». Теперь сравните это с данными современной астрономии: масса Сириуса В составляет 0,98 массы Солнца, а диаметр этой звезды всего в два с половиной раза больше диаметра Земли. Это дает фантастическую плотность: один кубический сантиметр весит примерно 50 тонн! Так что качественно догоны не ошиблись. Миф дает объяснение и высокой плотности вещества: «По-толо» состоит из трех основных элементов: «оньо» (воздуха), «ди» (воды) и «яу» (огня). «Минне» (земля) заменена другим элементом – «сагала», «который сверкает ярче железа». Современная астрофизика утверждает, что в процессе эволюции звезд происходит постепенное уплотнение и разогрев ядра. Когда температура его достигает ста миллионов градусов, начинается реакция синтеза трех ядер гелия в одно углеродное. Эта гелиевая вспышка длится недолго, но приводит к серьезным изменениям. Дальнейшая эволюция может пойти разными путями. Если масса звезды достаточно велика (в два-три Солнца примерно), гелиевое тело сбрасывает с себя оболочку. Ядро после катастрофического сжатия превращается или в «черную дыру», или в белого карлика, или в нейтронную звезду. Если сбрасывание вещества происходит быстро, вспыхивает сверхновая: блеск звезды возрастает в десять, а то и в сто миллионов раз, а потом медленно тускнеет в течение десятилетий. И вот оказывается, что догонский миф неоднократно упоминает о взрыве «по-толо»: когда люди были на Земле всего лишь год, звезда внезапно заблестела, а потом постепенно, в течение двухсот сорока лет блеск ее уменьшался. И дальше: содержимое «по-толо» извергалось в форме зерен «по». В системе мнемонических знаков догонов есть специальный рисунок: круг, внутри которого помещены направленные к центру штрихи, – так символически изображается уменьшение размеров звезды. Что это, случайность? Но тогда их слишком много в мифах африканского племени.

Когда французские этнографы спрашивали стариков, откуда у догонов такие необыкновенные сведения, те отвечали, что все космические объекты из группы Сириуса они наблюдают из пещеры. А где сама пещера? Это строжайшая тайна. Открыть ее белым жрецы наотрез отказались. Гриолу удалось только услышать еще одно упоминание, будто в пещере в большом количестве собраны «доказательства». Пояснять этот термин старцы не стали...

Почему же догоны столь большое место в своих преданиях уделяют мирам далеким и, казалось бы, совсем не связанным с земной жизнью? Оказывается, связь существует, и самая прямая: «Вначале место звезды «по-толо» было там, где сейчас находится Солнце. Солнце тоже было там. Но звезда «по-толо» удалилась от Земли, а Солнце осталось». В одной из частей «Бледной лисы» описывается, как люди были перенесены с планеты, солнцем которой была до своего взрыва «по-толо». Догонская метафора определяет это путешествие как «удачный брак». На рисунке-символе, изображающем этот «брак», Сириус превосходит размером Солнце! Радиус Сириуса А действительно в 1,7 раза больше солнечного.

Сокровенная тайна Амма

«По» есть изначальный образ материи... Творческая воля Амма заключена была в «по», говорят догоны. Это начало всех вещей, потому что оно самое малое из всех. Если вспомнить, что Амма выступает в роли бога-энергии, то можно поразиться точности формулировки: мельчайшая частица является началом материи. «Все вещи, которые создал Амма, берут свое начало в маленьком зернышке «по». Начиная с самой мелкой, все вещи создает Амма, прибавляя одни и те же элементы. Все вещи Амма начинает создавать такими же маленькими, как «по»; потом он добавляет к созданным вещам новые порции маленьких «по». По мере того как Амма соединяет зерна «по», вещь становится все больше и больше». Вряд ли образованный человек сможет доступнее объяснить неграмотному строение вещества.

«Когда развивается жизнь, она развивается в вихре, который повторяет первое творение Амма. Жизнь развилась в тот же самый момент, когда сочетались зерна «по».

Сложный, архаичный, образный язык мифа порой иносказаниями переносит информацию, казалось бы, невероятную для первобытного народа.

«Слово «по» произошло от того же корня, что и слово «пок», что значит «закручиваться в спираль». «По», закрученное в себя самого, хранит «слово» до того момента, когда Амма прикажет освободить это «слово», дабы передать его всем творениям. «По» может превратиться в страшной силы ветер, но об этом нельзя говорить». Геррье считает, что тут говорится о возможности перехода материи в энергию – ни больше ни меньше. Не слишком ли смела эта интерпретация? Возможно. Но так говорят – дословно – догоны, и эта фраза составляет самую сокровенную тайну их мифов.

А вот другой фрагмент. Всем известно, какую важную роль в процессах органического синтеза играют ферменты, то есть вещества, ускоряющие химические реакции. Ферменты были открыты в конце прошлого века. А догоны из поколения в поколение учат строки своего мифа: «Заключенная в зерне жизнь благодаря «слову» подобна брожению пива в калевасе...»

Космические странствия

В «Бледной лисе» описаны две «космические одиссеи» (так называет их Геррье). Сначала рассказывается о путешествии на Землю существа по имени Ого, потом о прибытии на Землю «корабля» Номмо и первых людей.

Ого во многом напоминает известного нам Сатану. Приближенный бога Амма, он взбунтовался против своего покровителя и овладел частью его знаний. Ого трижды отправлялся в космический полет. (Эта часть мифа рассказана весьма путано, и этнографы считают, что в ней отразились действительные события: три этапа переселения догонов в Бандиагара.)

Первый «ковчег» Ого Амма превратил в Землю. Затем последовало второе путешествие – на маленьком «корабле», который двигался, подгоняемый «ветром», заключенным в зернах «по». Эта важная информация позволяет сделать далеко идущие интерпретации... При желании, разумеется.

Летел Ого со звезды «сигитоло» – Сириуса. При этом детально и подробно рассказывается, как он вел свой «корабль», чтобы его движение совпало с движением Земли («вступило с Землей в удачный брак», как говорят догоны). Все это настолько напоминает рассуждения современной теории космических полетов, что Геррье делает вывод: догонский миф передает теоретические и практические знания максимально детально. Для того, наверное, считает он, чтобы эта информация была подробно передана далеким потомкам.

Совсем иной оказалась задача Номмо. Ему поручил заселить Землю сам Амма. С этой целью был выстроен огромный двухпалубный «корабль» с круглым дном. «Корабль» Номмо был разделен на шестьдесят отсеков, содержащих «все земные существа и способы бытия»: мир, небо, землю, деревню, дом собраний, женский дом, домашний скот, деревья и птиц, обработанное поле, раковины каури, огонь и слово, танец и работу, путешествие, смерть, похороны... Но нынешним догонам известно содержимое только первых двадцати двух отсеков. «Остальное придет в сознание людей позже и изменит мир» – так говорят они сами...

Остается загадкой, кто и когда сообщил западноафриканским догонам, находящимся на столь специфическом уровне социального развития, такие мудрые сведения о космосе и космологии вообще

«Корабль» подвесили на медной цепи, а потом по сигналу Амма он стартовал в проделанное в небе отверстие: отправился в путь из той части космоса, где «по-толо» родила жизнь, которую теперь предстояло передать на Землю. Приближаясь к нашей планете, «корабль» восемь «периодов» кружился по небу, занимая его, словно гигантская радуга – от горизонта до горизонта. Кружился с востока на запад, отклоняясь то к северу, то к югу. Он вращался вокруг собственной оси и при спуске описал «двойную спираль». Упомянутому вращению помогал «кружащийся вихрь», вырывавшийся из корабля наружу через отверстия, имевшие «форму этого ветра».

В момент приземления «корабль» скользнул по грязи, а яма, образовавшаяся после удара его о грунт, заполнилась водой и стала озером Дебо. На его берегах, на холме Гурао, до сих пор гигантский дольмен, изображающий «корабль Номмо», а в небольшом отдалении, среди менгиров, олицетворяющих Сириус и Солнце, еще одним камнем, гораздо меньших размеров, символически изображена Земля.

«Выйдя из корабля, Номмо поставил прежде всего на землю левую ногу. Это означало, что берет он Землю в свое владение. След, оставленный ступней Номмо, напоминает след медной сандали».

За Номмо по очереди покинули «корабль» остальные его обитатели. Когда «корабль» опустел, Амма втянул в небо цепь, поддерживавшую его, и небо закрылось. Началась земная жизнь.

Номмо погрузился в воды озера Дебо, откуда его заботливый глаз наблюдает за людьми, пока не придет условленный час его возрождения – «день слова». Наблюдать же за жизнью людей необходимо – ведь для того и прибыл раньше, чем Номмо, на Землю Ого, чтобы мешать им. Тут уж нужен глаз да глаз...

Новое время безжалостно отбросило мифы, как надоевшую игрушку. Оказывается, не все в преданиях старины было выдумкой. Вспомните о Шлимане, откопавшем в строгом соответствии с мифом Трою; о преданиях полинезийцев, точно воспроизводящих историю народа. И вот уже люди наших дней старательно перелопачивают подернутые дымкой времени сказания, отыскивая в них рациональное зерно, память о доисторических временах. Возможно, такое зерно есть и в догонском мифе. Конечно, наивно полагать, что толчок развитию земной цивилизации дал визит кучки космических странников. В общем-то спорна сама возможность такого визита. Исследование мифов на «космическое зерно» открывает простор для смелых догадок, оригинальных гипотез. К сожалению, здесь много места и для подтасовок, и для шарлатанства... Видимо, еще не время однозначно оценить догонские предания. Может найтись и другая интерпретация, отличная от толкования Геррье. Что ж! Можно ведь обратиться к детальным и надежным записям Гриоля и Дитерлен. А может быть, другим исследователям удастся еще больше «разговорить» догонских хранителей тайн? Что выяснится тогда? Оправдается ли «космическая версия» Геррье, или она сама окажется мифом, только уже XX века, ясно одно: в любом случае наши знания о прошлом человечества обогатятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.